

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

АЗБУКИ-ПЕРЕЧИСЛЕНИЯ

Как уже было сказано, азбуки XV века единичны, тогда как количество азбук в XVI веке резко возрастает. Ценность древней рукописи определяется не только ее редкостью и возрастом: она увеличивается еще более в том случае, если в ней указано время (год) и место ее написания.¹

Важное место занимают также те косвенные даты, которые можно извлечь из полистных записей или приписок на рукописях и некоторых иных данных. В полистных записях чаще всего содержатся сведения о принадлежности рукописи тому или иному лицу или обители, купле и продаже рукописи и т. п. (при этом нередки упоминания лиц, даты рождения и смерти которых известны). Благодаря им удается установить временные границы появления памятника или год, *не позже* которого он появился на свет. Для изучения певческих азбук сказанное очень важно, потому что существуют знамена, которые имеются только в отдельных азбуках. Появившись в них, они затем как бы выходят из употребления и снова встречаются в тех азбуках, которые можно датировать лишь в рамках целого столетия. При всех условиях азбуки сохраняют за собой значение основного источника теоретических сведений о строении знаменного распева, позволяют судить о массовости применения знамен, следовательно — делать обобщающие выводы. Таким образом, состав и количество знамен, помещаемых в азбуках, приобретают для последних значение палеографического признака.

К рукописям (азбукам) XV века следует относиться с особым вниманием, так как только древнейшие теоретические руководства позволяют в какой-то мере догадываться о том, в какие формы выливалась русская музыкально-теоретическая мысль

¹ Следует оговориться. Если точно датированная азбука включает какие-либо знамена или их истолкование, которых нет в других азбуках, то это еще не дает права считать дату азбуки годом рождения заключенных в ней знамен или их особенностей. Дата азбуки — это только тот год, когда данное явление было документально закреплено, записано. Возникнуть оно могло гораздо раньше самой азбуки. Поэтому на основании как азбук, так и рядовых певческих рукописей нет возможности установить, *не раньше* какого времени возникает то или иное музыкально-палеографическое явление.

в годы, предшествовавшие появлению первых азбук. Азбуки XV века содержат некоторые знамена, к этому времени в обычных рукописях уже вышедшие из употребления. Раз так, то можно предположить, что эти знамена включены в азбуки по традиции или списаны с каких-то не дошедших до нас руководств. Несомненно, что азбуки должны были существовать еще по крайней мере в XIV столетии. Иначе в XV веке не имело бы смысла сохранять в них те знаки (знамена), которые в певческой практике уже перестали употребляться (к этому еще придется вернуться). В этом случае потерявшие прежнее значение знамена («неизвестные»), перестав быть музыкальным понятием, приобретают значение палеографического признака, показательного и нужного для характеристики певческих азбук.

Несмотря на своеобразие форм и состава азбук XV века, азбуки всего беспометного периода имеют настолько много общих черт, что их, как определенный *тип* азбук, следует рассматривать совместно. (При этом будем иметь в виду, что хотя общий тип азбук и сохраняется, они с течением времени претерпевают достаточно заметные изменения в составе и приемах изложения. То и другое постепенно усложняется.)

Простейший вид азбук представляет собой, по существу, только кратчайший перечень знамен. Иногда такого рода пе́речни или, как мы будем их называть, перечисления знамен, никак не отделяются от певческой рукописи. Это просто азбуки-памятки, помещенные в начале или конце, а иногда и в середине певческой рукописи. Часто это только две-три страницы, а то и меньше, без заголовка. Неожиданно, после окончания какого-нибудь песнопения, появляется перечисление знамен, после чего вновь, без какого-либо перерыва, начинается изложение следующего песнопения. Впрочем, это относительно редкая форма включения азбуки в певческую рукопись.

Одной из наиболее распространенных форм певческих рукописей являются «сборники», включающие в себя по нескольку самостоятельных богослужебно-певческих «книг». В одном переплете сборника чаще всего объединяются Ирмологий и Октоих, Ирмологий, Октоих и Праздники, нередко к этим же книгам добавляется еще Обиход (простой и постный). Тут где-нибудь находит себе место и азбука. В больших, полных сборниках появление азбук вполне оправдано, так как сборник, включающий почти все, а то и все известные богослужебные книги, содержит, таким образом, всю сумму знаменного распева. Пользующийся таким сборником певец, естественно, сталкивается с необходимостью обращаться к излагаемой в азбуке теории знаменного распева. В сборниках азбуки обычно помещаются между какими-либо двумя книгами, что не исключает помещения их в начале или конце. Однако в сборниках у азбук существуют свои «любимые» места — по соседству с Октоихом или Ирмологием (в силу большей употребительности этих книг).

Даже при отсутствии заголовка отыскать в сборнике азбуку довольно легко по особым приметам. В перечислениях знамен обычное последовательное изложение текста заменяется отдельными названиями знамен. Естественно, что при этом и нотация над текстом теряет связность и густоту, превращаясь из плавного изложения напева в последование отдельных, не связанных друг с другом знамен.

Ясно, что текст простейших азбук не может содержать раздельноречия, коль скоро наименование знамени, помещаемое под ним, никогда не поется и не может служить певческим текстом в обычном понимании этого слова. Раздельноречные тексты встречаются в более поздних азбуках в совершенно особых случаях и формах, о которых здесь говорить преждевременно.

Что касается заголовков, предпосылаемых певческим азбукам XV—XVI веков, то они весьма разнообразны и не подчиняются определенной системе. Чаще других заголовки (как правило, написанные киноварью) таковы: «Имена знамению», «А се имена знамением како ся и¹ поют», «А се имена знамением како зовутся именем», «Сказание знамением како именуется», «Знамению имена», «Сие произглавие знамением», «Указ знамению имяна», «Знамения петия красного имени», «Имена знамению столповому», «Ключ знаменной» и им подобные, отличающиеся один от другого иным чередованием преимущественно одних и тех же выражений. Повторением в заголовках слова *имена* подчеркивается, что за этим следуют только названия нотных знаков, только перечисление их (это сохраняется и тогда, когда в азбуках появляются другие разделы). В отдельных азбуках встречается также заключительная запись, вроде: «Конец знамением петьим».

Любопытно и показательно отметить присутствие в заголовках невольных характеристик знаменного пения, в которых выражается отношение к нему со стороны певцов — составителей азбук, называющих его *красным*, то есть прекрасным, красивым (вспомним «самое красное демественное пение», как оно названо в «Степенной книге»).² При усложнении содержания азбук появляются заголовки к отдельным их частям (например, к толкованиям; о них — ниже).

Итак, простейшим видом певческого теоретического руководства является азбука-перечисление. Перечисления содержат: а) наименования знамен, с помещенными над ними соответствующими им начертаниями; б) наименования фит, также с их начертаниями (последние, до особого их рассмотрения, мы будем условно называть фитами, независимо от того, входит ли

¹ В значении *их*.

² Красный следует понимать только в указанном значении, потому что лишь в виде очень редкого исключения приходится видеть азбуки, в которых знамена написаны киноварью.

в начертание знак фиты, то есть буква «фита», или не входит, и независимо от их действительного певческого значения). Как знамена, так и текст азбук пишутся черным цветом. Части азбук (например, перечисления, толкования и т. п.) отделяются обычно друг от друга соответствующими киноварными заголовками. Начертания знамен или фит также отделяются одно от другого какими-либо особыми знаками. Чаще всего это запятые или точки (иногда киноварные), киноварные кружки или двойные наклонные черточки. Нередко наименования начинаются киноварной буквой, обычно строчной.

Наиболее строгой формой азбуки-перечисления является та, при которой выдержан порядок изложения: сперва отдельные знамена, а затем фиты. Этот порядок, впрочем, часто нарушается, и фиты оказываются в середине знамен, а иногда разбиты на две-три группы — в середине и в конце азбуки. Ни одна азбука не начинается с изображения фит. Завершения азбуки отдельными знаменами, помещенными после фит, нередки. Однако порядок размещения знамен и фит в азбуках имеет второстепенное значение: важно, *какие* это знамена и фиты, каковы их названия, начертания и в каких сочетаниях они применены.

С течением времени в азбуках, как и вообще в певческих рукописях, знамена претерпевают чисто внешние графические изменения. Эти изменения, как и некоторые другие вопросы, касающиеся азбук, мы будем затрагивать лишь в случаях, когда речь может идти только об изменении написания одного и того же знамени, но не о видовом его перерождении. Приемы изложения знамен в азбуках своеобразны и требуют внимательного к ним отношения. В противном случае возникает опасность неправильного понимания данного знамени и, следовательно, его возможного певческого значения, а также отнесения того или иного знамени не к тому веку, когда оно в действительности появилось.

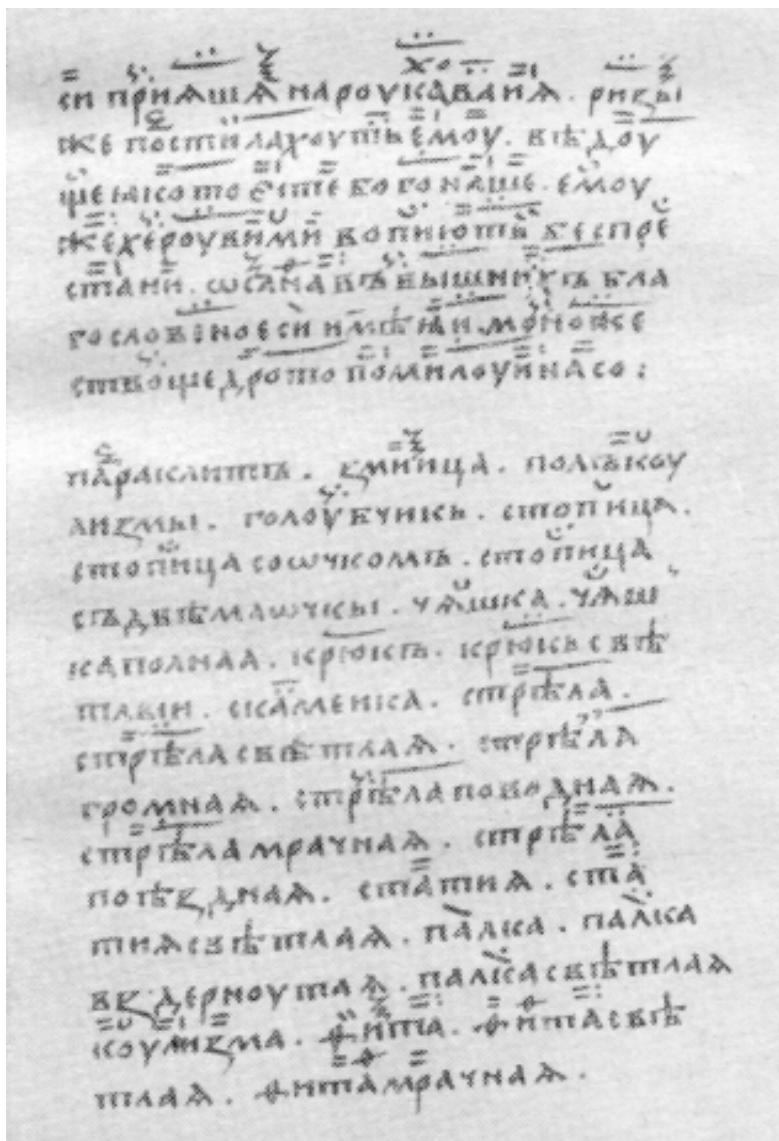
Изучение наименований знамен показывает, что эти наименования состоят из одного, двух или нескольких слов, из коих отдельные, входящие как составная часть в более сложные сочетания, существуют и самостоятельно. Это представляет несомненный интерес со стороны языковедческой, какой мы не касаемся, обращая внимание на терминологию азбук в той степени, в какой это содействует уточнению определенного нотного знака.

К области языкоznания относится установление происхождения наименований знамен, определение того, является ли наименование знамени русским, греческим или иным. При этом следует подчеркнуть, что профессиональная певческая терминология, исключительно развитая и богатая в азбуках, не раз будет привлекать наше внимание, ибо она может пролить свет на чисто музыкальную сторону рассматриваемых вопросов.

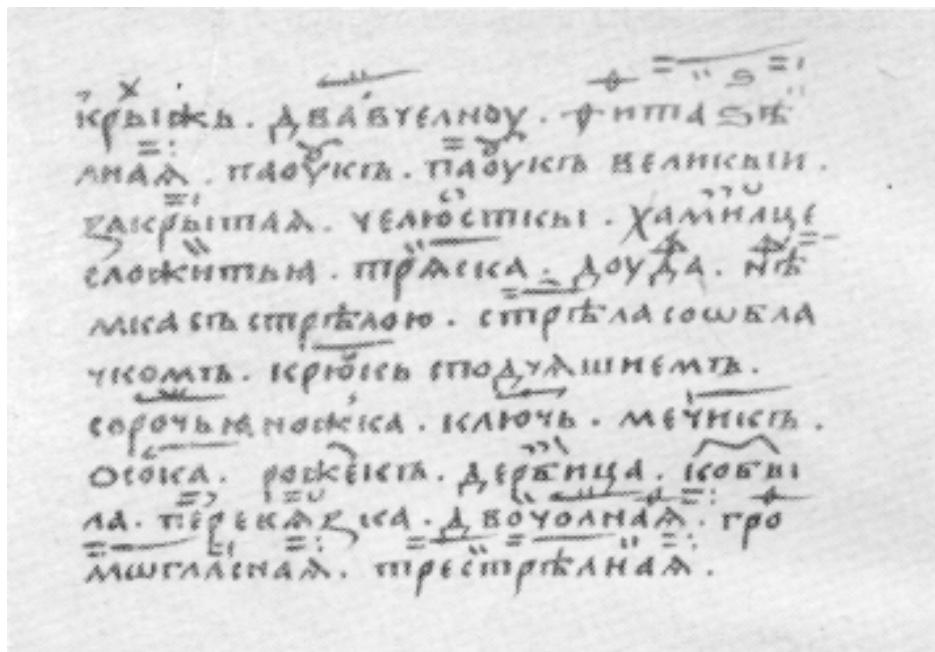
Обратимся к одной из певческих азбук XV века.¹ (Основные виды знамен, их особенности и сочетания должны быть рассмотрены по самым ранним музыкально-теоретическим руководствам: в древнейших азбуках в целом уже определяются основы теории русского певческого искусства, дальнейшее развитие которых можно видеть в позднейших азбуках.)

Данная азбука относится к разряду перечислений знамен и толкования их не имеет. Начинается азбука, как обычно, знаменем, именуемым *параклит*. Это знамя не имеет разновидностей и не образует сочетаний с другими знаменами.

После параклита приводятся другие знамена, из коих следует остановиться на крюках. *Крюк* — важнейшее знамя. От

¹ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр. № 637/894, лл. 127 об.—128 (см. фото).

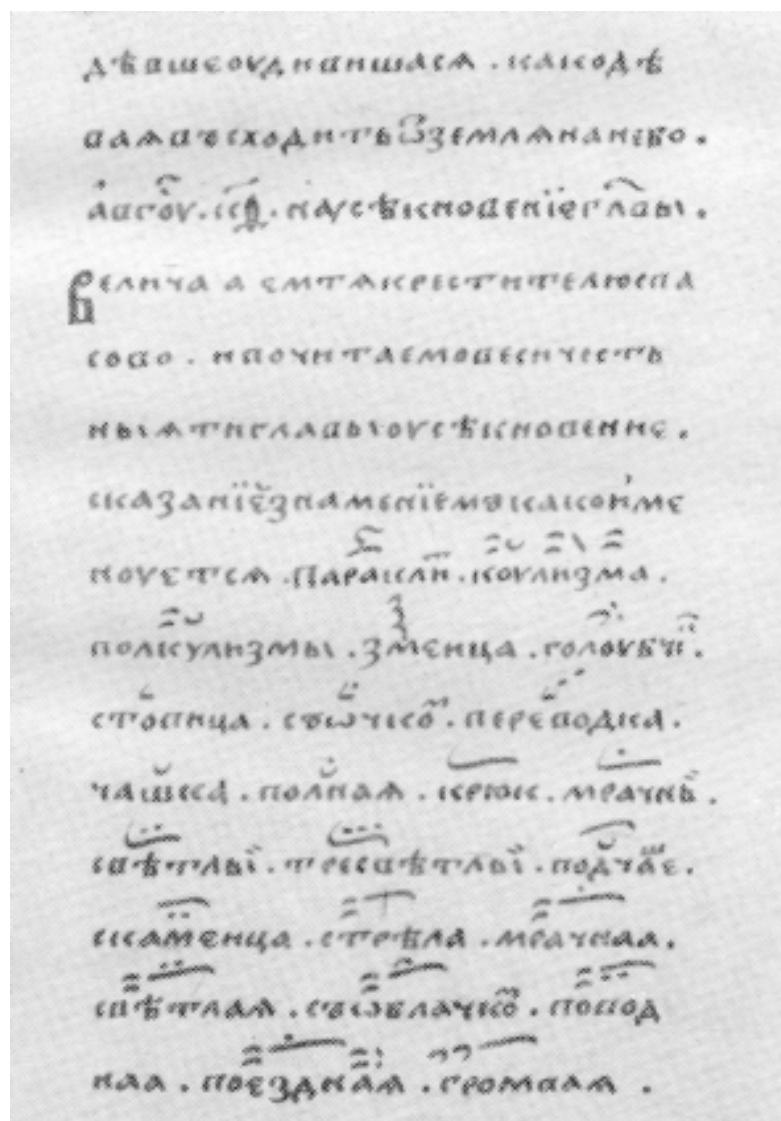
крюка получила наименование сама нотация — *крюковая* или, в обобщающем выражении, — *крюки*. В таком обобщающем значении крюки противопоставляются другим видам безлинейных нотаций. Так, например, в знаменно-демественных двознаменниках одна из строк излагается демеством, а другая — крюками, то есть знаменной нотацией. Крюки принимают еще более широкое значение тогда, когда они противопоставляются пятилинейной нотации. В этих случаях под крюками понимаются все древние безлинейные нотации в общей своей массе как таковые. В данной азбуке помещены только две разновидности крюков: крюк (подразумевается — простой) и крюк светлый. В других азбуках даются еще крюки других видов, из которых образуется следующий общий ряд крюков: *простой, мрачный, светлый и тресветлый*. Это четыре вида *одного и того же* знамени — крюка.

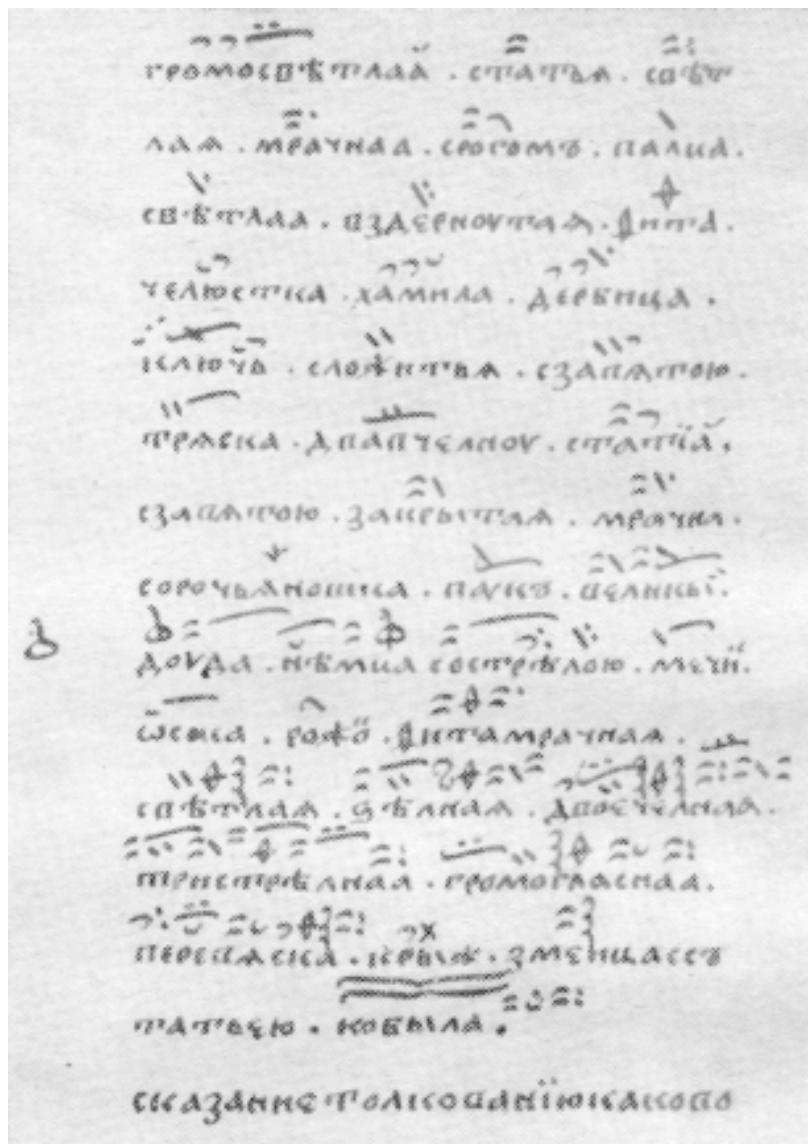
Еще большее разнообразие обнаруживают стрелы. Здесь следует ряд: *стрела* (простая), *светлая*, *громная*, *поворотная*, *мрачная* и *поездная*. Чтобы разобраться в многообразии начертаний стрел, следует установить тот принцип, которому подчиняется появление разновидностей крюков, стрел, а также статей (его нетрудно проследить в азбуках). Необходимо представить себе, в чем заключаются изменения знамен и каким должен быть подход, который позволил бы объединить их в какие-то общие, более широкие группы. Обратимся предварительно к тому, в каких формах приводятся в азбуках наименования знамен.

В упомянутой азбуке Кирилловского сборника после различных стрел помещены: «стация», «стация светлая», затем «палка», «палка вздернутая», «палка светлая» (так же, как далее в части фит: «фита», «фита светлая», «фита мрачная» и др.).

Следовательно, на первом месте ставится наименование самого знамени («стрела»), после чего указывается, какая следует разновидность данного знамени («светлая», «мрачная» и т. п.). Таким образом, сперва дается *определенное*, а потом *определение*. Это чрезвычайно характерное и неизменно выдерживаемое последование, отступления от которого в азбуках, даже поздних, встречаются редко (например: «светлая стрела» и др.). Такую особенность изложения наименований знамен следует внимательно учитывать, так как она в более сложных случаях, когда наименование знамени составляется не из двух, а из трех или еще большего числа определений, может повести к ошибке в установлении того, о каком знамени идет речь (в наиболее сильной степени сказанное относится к сборникам попевок — кокизникам). Во избежание ошибок надо очень хорошо представлять себе устаревшие и вышедшие из употребления певческие знаки, чтобы понять, какое именно знамя приведено в азбуке, в том случае, когда дано только определение без

2

определяемого, то есть без наименования самого знамени. В объяснение сказанного приведем пример из азбуки XVI века¹ (см. фото 2).

Здесь проявляются такие закономерности последования: *крюк, мрачный, светлый, тресветлый*. Затем: *стрела, мрачная, светлая, со облачком, поводная, поездная, громная, громосветлая* и статьи: *статья, светлая, мрачная, с рогом*. Для первых знамен подразумевается определение *простой* (крюк), *простая* (стрела или статья). Что же касается видовых изменений знамен, то наименования, приведенные без *определяемых*, следует понимать как *крюк мрачный, крюк светлый, стрела тресветлая, статья с рогом* и т. п. (по тому названию знамени, которое дано в первый раз и которое в дальнейшем не повторяется, но подразумевается).

Далеко не всегда в азбуках приводятся подряд все крюки, стрелы и другие знамена, известные в нескольких видах или

¹ ГПБ, Соловецкое собр. № 283/277, л. 252 и об.

разновидностях. Нередки случаи, когда некоторые формы знамён, помещенные в начале азбуки, прерываются другими знаменами или фитными начертаниями, чтобы появиться вновь в середине или конце азбуки. При этом они появляются и без своего основного названия (определенного), сразу в форме определения, то есть *светлая*, *мрачный* и т. д. В силу сказанного мы еще раз подчеркиваем необходимость полного знания всего разнообразия нотных знаков (знамен), составляющих в своей совокупности знаменную нотацию. Так, например, если в какой-либо азбуке дано определение *великий*, то это может относиться только к пауку, как *поездная* — только к стреле. Следовательно, если в азбуке почему-либо не дано начертание знамени, а просто сказано *светлая*, то можно только догадываться о том, что в этом месте *могло* быть какое-то знамя, и судить об этом по знаменам, помещенным ранее («выше» данного наименования), памятуя, что возможен перебой в порядке знамен, а определение *светлая* может относиться равно к статье, стреле, палке и другим знаменам. Сказанное имеет существенное значение для всех азбук, особенно же беспометного времени.

Определения *простой*, *мрачный*, *светлый* и *тресветлый* указывают на принадлежность знамен, к которым применяются эти определения, к простому, мрачному и другим *согласиям*. Это, как мы увидим, чрезвычайно важно в попытках понимания певческого значения беспометного знамени, а также в классификации знамен.

Рассмотрение помещаемых в азбуках знамен показывает, что некоторые из них могут быть объединены в определенные группы, тогда как для других такое объединение не кажется естественным. Основным признаком, позволяющим объединить знамена, является наличие у них указаний на принадлежность к согласиям (с соответствующими внешними особенностями начертаний и наименований). Определенные знамена по этому признаку могут быть объединены в *семейства*. К ним относятся: семейство *крюков*, семейство *стрел* и семейство *статей*. Это — главнейшие три семейства. Признаки «мрака» и «света» имеют и другие знамена, как-то: палки, подчашия (как самостоятельные знамена), но они появляются позже и не имеют такого значения, как названные выше семейства. Да и сами определения *мрачный*, *светлый* применительно к крюкам и палкам вряд ли можно понимать одинаково. Действительно, принадлежность к согласиям крюков, стрел и статей при изучении азбук бросается в глаза, чего нельзя сказать о палках или подчашиях, но и не в этом главное. Крюки, стрелы и статьи (а также и стопицы) имеют важнейшее значение еще и потому, что они являются теми основными знаменами, опираясь на которые следует подходить к раскрытию труднейшего «секрета» знаменной нотации — понятия *строки* (оно будет рассмотрено особо).

Нельзя проходить мимо того, каким количеством начертаний

представлены семейства (хотя вопрос количества является второстепенным). Крюков, например, четыре, а стрел — значительно больше. Однако каждого вида их также окажется по четыре (для XVI в.). Внутри семейств крюков, стрел и статей (в таком порядке эти знамена помещаются в азбуках) можно наметить их *разновидности* — простые, мрачные, светлые и тревожные. Разновидности знамени имеют одно и то же графическое начертание, различаясь только знаками «мрака» и «света».

Известно, что в семейство стрел входят разные знамена. К этому семейству принадлежат стрелы громные, крыжевые и тряски. Это *виды* стрел, которые, в свою очередь, могут распадаться на разновидности в зависимости от согласия. Эта зависимость присуща и таким знаменам, как *подчашия*, также образующим семейство, хотя и не имеющим ведущего значения, как крюки и стрелы.

Исходя из употребительности и близости начертаний знамен, можно наметить также разделение их на *группы*, как, например, группа стопиц, группа запятых, группа сложитий и др. Наконец, существует еще одна категория знамен (их характер достаточно ясно определяется в самых ранних азбуках), которые больше всего подходят под определение «разных». К их числу относятся: змеица, челюстка, ключ, мечик, дуда и другие, а также такие, как кулизы, пауки и немка, несмотря на то, что последние три имеют варианты начертаний и относятся к той категории, которую в XVII веке принято называть сложными знаменами (рассмотрение их в азбуках XV—XVI веков осуществимо в ограниченной степени).

Наименования знамен в азбуках не имеют единого, закрепленного написания. Пестрота и неустойчивость написания не есть особенность только певческих азбук: она свойственна памятникам всей древнерусской письменности. В азбуках можно встретить такое написание названий, как, например: «статья», «статия», «стация»; «змилица», «змеица»; «мрачная», «мрачна»; «великий», «великый»; «ключ», «ключь». Или в названиях фит: «перевязка», «перевязка»; «двоечная», «двоечелная»; «тривиальная», «тристрелная», «трестрелная» и др. Только очень немногие наименования знамен сохраняют одно написание. Что же касается ударений в названиях знамен, то в азбуках XV, XVI и первой половины VII веков они, как правило, не ставятся, в силу чего на музыкально-техническую терминологию этих веков приходится условно распространять ударения, которые даются в более поздних руководствах (в каковых они почти не меняются).

Имея дело с певческими рукописями какого угодно времени и отбирай в них одни и те же песнопения, так же как и сравнивая между собой теоретические руководства, нельзя найти такие две рукописи или азбуки, которые совпадали бы во всем. Близость или совпадение почерка письма знамен и текста — это

еще не все. Любая рукопись имеет только ей присущие особенности и в какой-то степени неповторима.

Чем меньше рукописей одинакового содержания, тем труднее сделать обобщающие выводы. Трудность эта особенно чувствуется при изучении немногочисленных азбук XV века. И все же даже несколько азбук позволяют установить для них определенные закономерности, найти общие черты и различия, в свою очередь подчиняющиеся своим правилам. Эти правила не только не нарушаются, но еще более подтверждаются при сравнении азбук, относящихся к двум различным столетиям, например к XV и XVI векам, ибо особенности азбук XVI века являются следствием того, что намечается или уже осуществляется в XV веке.

Азбуки XV—XVI веков позволяют установить приемы образования знаков знаменной нотации, в связи с чем мы приходим к еще одному виду знамен. Этот вид лучше всего назвать группой *составных* знамен. К этой группе могут относиться знамена, принадлежащие к разным семействам и существующие как самостоятельно, так и в сочетаниях с другими. Это было ясно составителям древних азбук и заставляло их, руководствуясь педагогической целесообразностью изложения, относить знамена к той или другой части азбуки, размещая их в определенной последовательности.

Из всего количества известных знамен только определенные вступают в сочетания с другими: далеко не все образуют сложные составные знамена. При этом древнейшие азбуки отличаются от позднейших тем, что в первых для образования составных знамен используются знамена, еще не потерявшие самостоятельности. В позднейших азбуках эти знамена встречаются уже только в составных начертаниях.

К числу важнейших составных знамен следует отнести прежде всего такие, как *кулизма* и *паук великий*. Каждое из названных знамен состоит из трех самостоятельных знамен, помещаемых в азбуках в отдельности и имеющих, каждое, свое певческое значение. Так, кулизма состоит из полкулизмы, статьи закрытой малой и статьи простой, а паук великий — из статьи закрытой малой, статьи простой и собственно паука. Кулизма и паук великий являются наиболее сложными образованиями (если не считать немки со стрелой, о которой будет сказано в другой связи, так же как и о стреле поездной). Многочисленны более простые случаи. Так, хамила состоит из двух запятых и чашки, дербица — из двух запятых и палки, сложития с запятой — из сложитии и запятой, и т. п.

Разделение знамен пометного времени на самостоятельные, подчиненные и составные было уже отмечено В. М. Металловым,¹ но без указания на то, что это разделение свойственно не одному XVII веку и коренится значительно глубже. Несом-

¹ В. М. Металлов. Азбука крюкового пения. М., 1899, § 3 и 4.

ненно, что образование составных знамен было одним из приемов, облегчавших усвоение знаменной семействографии, и если в древнейших азбуках мы не находим об этом ни одного слова, то потому, что первоначальные азбуки были в значительной степени, если не полностью, тем, что принято называть «наглядным пособием», и пользование ими должно было сопровождаться изустным объяснением преподавателя пения. Усвоение законов образования составных знамен вряд ли могло в старину (как и теперь) вызывать сколько-нибудь значительные затруднения, а потому эти законы и не нашли отражения в азбуках в письменной форме. Более подробно о том, как и в каких формах происходило образование составных знамен, мы не будем здесь говорить, так как потребовалось бы привлечь большое количество рядовых рукописей.

Рассмотрим еще одно знамя — *статью со змийцей*, обратившись снова к азбуке XV века (см. фото 1). В этой азбуке, сразу после параклита, следует сочетание статьи и змийцы, однако ему соответствует наименование *змиица*. Заметим, кстати, что на том же месте на верхней строке рукописи находится отдельная змийца, без статьи простой. В первый раз она расположена над последним самостоятельным слогом в слове «прияша» и во второй раз — на втором слоге слова «ризы». Из этого видно, что змийца без статьи тогда имела самостоятельное певческое значение и уже позже вошла в составное знамя как его часть. Самостоятельность змийцы, впоследствии утраченная ею, подтверждается и примером (фото 2), где она показана вне сочетания со статьей простой и тоже поименована «змейцей». Итак, в одном случае змийца существует как самостоятельное знамя (такого рода змийцу в дальнейшем мы будем называть *отдельной змийцей*). В другом случае отдельная змийца образует вместе со статьей составное знамя. В обоих случаях, однако, наименование знамени остается одним и тем же — «змиица» (или «змеица»). Змийца принадлежит к числу тех знамен, начертания и наименования которых вырабатывались в течение длительного времени. Это подтверждается азбуками, дающими разные виды начертаний и названий этого знамени.

В следующей таблице сведены воедино наименования и начертания некоторых знамен, включая змийцы (см. стр. 37).

В таблице приведены наиболее характерные начертания знамен. Из таблицы видно, что стрела поводная имеет три начертания, стрела поездная — шесть, по количеству вариантов к ним приближаются дуда, немка со стрелою и другие знамена. Однако важно не то, по скольку различных начертаний имеет знамя, а то, что для приведенных знамен нельзя указать *единого* начертания, закрепленного за ними во всех азбуках. Мало того, иной раз отдельные начертания совпадают, несмотря на то, что имеют разные наименования, — например, у стрел поводной и поездной. Стрела поездная, в частности, дает наибольшее

Название	Начертание	№ рукоп.	№ листа
Змийца	≈}	1	361 об.
"	≈	6	127 об.
Змийца со стальей	≈≈	5	282 об.
Стрела поводная	≈≈≈≈	1	361 об.
"	≈≈≈	2	195
"	>—	3	138 об.
Стрела поездная	≈≈≈≈≈≈	1	361 об.
"	≈≈≈≈≈	2	195
"	≈≈≈≈	3	138 об.
"	≈≈≈≈≈	10	211
"	≈≈≈≈	18	148 об.
"	>—	19	302
Стрела громная	≈≈≈≈≈≈≈≈	1	361 об.
"	≈≈≈≈≈≈≈	9	1
"	≈≈≈≈≈≈	6	127 об.
Крыж	Х	6	128
"	Х	7	3 об.
Дуда	≈≈—	1	362
"	≈	2	195
"	≈	3	139
"	≈≈—	12	79
Немка	≈	4	18
"	≈≈Φ	13	241
"	≈	15	237
"	≈≈	16	260 об.
"	≈≈—	22	49
Немка со стрелою	≈≈—	6	128
"	≈≈≈≈—≈≈	12	79
"	≈≈≈≈—≈≈	13	241
"	≈≈≈≈≈≈≈≈	8	364 об.
"	≈≈≈≈≈≈≈≈	17	5
Ключ	L—L—L	5	252 об.
"	L—	13	241
Паук великий	≈≈	6	128
"	≈≈≈	1	362
"	≈≈≈≈	10	211 об.

число графических разночтений; здесь обращает на себя внимание применение, при том же названии, различных отдельно существующих видов стрел — громной, светлой, поводной и мрачной. Стрела с крыжом в некоторых рукописях носит название стрелы с *полукрыжом*, а крыж именуется *крыжом с запятой*.¹ Таким образом, рассмотрение какого-либо знамени в певческой рукописи далеко не всегда дает уверенность в том, что о нем можно в азбуке найти нужные сведения, руководствуясь только его начертанием или только его наименованием.

Несовпадения между начертаниями и названиями знамен в разных азбуках объясняются тем, что эти азбуки принадлежат разным авторам (составителям). Подобные несовпадения вряд ли могут иметь место в одной и той же азбуке, коль скоро автор один и не может в отдельных частях созданного им теоретического руководства придерживаться разных взглядов, но небольшие случайные несовпадения в пределах одной азбуки все же попадаются. Они немногочисленны. Наблюдать их и интересно и полезно.

Указанная особенность наиболее сильно выражена в старых азбуках, но присутствует и в более поздних, являясь одним из очень больших затруднений на пути чтения и истолкования знаменной семействографии древнего периода.

Правда, из нескольких десятков знамен, помещаемых в беспометных азбуках, относительно немногие имеют по несколько начертаний или названий, но все же это такая особенность, которую всегда следует учитывать. (Если для знамен эта особенность не столь показательна, то для начертаний фит она чрезвычайно характерна.) Для азбук беспометного времени, таким образом, следует установить, что в них некоторые знамена имеют *различные начертания при одном и том же названии* и *различные названия при одном и том же начертании*.

Знамена появляются отдельно и в сочетаниях с другими знаменами. Это объясняется тем, что в азбуки вносятся в первую очередь те знамена (начертания), которые наиболее употребительны в певческой практике. Составители азбук помещали в них те начертания и те их сочетания, которые считали (или считались) наиболее важными для исполнения песнопений. Кроме того, начертания зависели от согласия и от попевок (об этом будет сказано особо).

Чтобы не возвращаться далее к рассмотрению помещаемых в азбуках фит, заметим, что их начертания в подавляющем большинстве содержат в себе букву «фита», которая в азбуках приводится как *буква* и как *отдельное знамя*. Самостоятельного певческого значения «знак фиты» не имеет, но, коль скоро он существует, азбуки включают его в состав знамен.

При определении значения в знаменном пении того или

---

¹ ГПБ, собр. Погодина № 392, л. 17 об.

иного знамени следует считаться с его употребительностью. Есть знамена, без которых не обходится ни одна азбука (например, уже названные параклит, крюк, стрела, стопица, голубчик и др.). Наряду с ними есть и такие, которые часто опускаются, хотя и не могут быть названы маловажными при изложении напевов. Наконец, существуют и такие, которые попадаются только изредка, в отдельных азбуках. Из сказанного следует, что можно выделить некоторое количество знамен, определяющих собой *основные средства* музыкально-графического выражения знаменного распева, являющиеся в знаменной нотации ее внутренним стержнем, вокруг которого развиваются и к которому «тянутся» другие знамена, имеющие меньшее значение.¹

Помещаемая ниже таблица показывает сравнительную употребительность знамен в 40 беспометных азбуках XV—XVI веков. В таблице знамена расположены в том порядке, который преобладает в азбуках.

4

Название	Колич.	Название	Колич.
Параклит	40	Статья мрачная	28
Кулизма	40	» светлая	40
Полкулизмы	40	» с рогом	32
Змийца	40	» с запятою	35
Голубчик	40	» закрытая	40
Стопица	40	Палка (простая)	40
» с очком	40	» светлая	38
» «с двема очки»	40	» воздернутая	40
Чашка	40	Крыж	38
» полная	40	Челюстка	40
Крюк (простой)	39	Хамила	40
» мрачный	35	Дербица	40
» светлый	40	Сложития	40
» тресветлый	25	» с запятою	33
» с облачком	33	Запятая	29
» с подчашием	36	Тряска	39
Стрела (простая)	38	Дуда	37
» мрачная	39	Ключ	39
» светлая	40	Осока	40
» с облачком	39	Сорочья нога	36
» с подчашием	34	Мечик	40
» поводная	40	Рожек	40
» поездная	39	Два в челну	39
» громная	39	Паук	40
» с крыжом	15	» великий	39
Скамейца	40	Немка	12
Статья (простая)	40	» со стрелою	32

¹ Принципиального различия в употребительности знамен в азбуках и в рядовых рукописях заметить нельзя. Об этом см.: М. Бражников. Пути развития и задачи расшифровки знаменного распева XII—XVIII веков. М.—Л., 1949.

О чём говорит таблица? Прежде всего о том, что почти во всех азбуках приводятся в основном одни и те же знамена. В силу этого состав азбук представляется чрезвычайно единобразным и выдержаным. Существует некоторое, довольно значительное, количество знамен, являющихся обязательными для каждой азбуки (несмотря на отдельные исключения). Важно отметить, что между подбором знамен в азбуках XV и XVI веков нет большого различия. Наоборот, бросается в глаза сходство, не позволяющее говорить о заметной перемене в составе знамен в азбуках этих двух веков. Поскольку же, как будет видно, XVII век также не внес в него *коренных* перемен, можно говорить о чрезвычайной *устойчивости и выдержанности основ знаменной семейографии* на протяжении нескольких столетий.

Устойчивую систему нотации в рядовых рукописях можно видеть уже в XIV веке. Знаменная нотация в XIV веке была уже сложившейся и окрепшей системой, чему не противоречат несомненные признаки её постоянного развития и совершенствования (певческие рукописи, а также известные певческие азбуки XV в. не содержат уже целого ряда знамен, бывших в употреблении в более ранние века). Сказанное приводит к заключению, что певческие азбуки начали появляться на Руси тогда, когда закончилась основная переработка чужой, заимствованной извне музыкальной системы, и появление их явилось следствием происшедшей переработки. Этому немало содействовало освобождение Руси от монгольской зависимости, после которого русский народ с новой силой взялся за воссоздание своей национальной, в том числе и музыкальной, культуры. В прямой связи со сказанным находится и то обстоятельство, что в певческие азбуки не включается ни одно кондакарное знамя, как нет и специальных кондакарных теоретических руководств. К XV веку кондакарное пение вместе с его нотацией вышло из употребления, а поэтому и не нуждалось в теоретической разработке, как нуждалось в ней знаменное пение. Решающего значения не могло не иметь и разное отношение певцов к этим системам пения, из коих кондакарная была не своей, а чужой. Поэтому в XV веке и позже от нее сохранились в певческих рукописях лишь отдельные нотные знаки и небольшие мелодические участки. Следовательно, для теоретических руководств кондакарная нотация не может иметь того палеографического значения, которое она сохранила для рядовых певческих рукописей.

Данные таблицы 4 на первый взгляд могут испугать — 54 различных знамени, и это еще не все! Принимая во внимание, что нами изучено только 40 азбук (пытаться охватить все существующие азбуки — задача невыполнимая и ненужная¹),

¹ Случаи появления нового, еще не известного знамени возможны, но при всех условиях их придется считать исключением.

остается допустить, что еще какое-то количество знамен может оказаться не учтенным. Следовательно, количество знамен для XV—XVI веков окажется даже несколько больше.

Хотя мы и имеем 54 знамени по существу одинаковой употребительности, все же формально их не следует рассматривать как равные. Есть знамена, не имеющие разновидностей, названия которых встречаются по одному разу (параклит, хамила и др.), а наряду с ними и такие, наименования которых изменяются в зависимости от добавлений к основному начертанию знамени. Знамена последнего рода составляют особую категорию, причем в нее входят как раз те, которые образуют семейства и группы. Основными становятся, как указывалось, семейства *крюков, стрел и статей*, а за ними группы *палок, стопиц, чашек и сложитий*. Если условно принять каждое семейство или группу за единицу, то количество различных знамен с 54 сразу же сократится до 27, то есть вдвое. Семейства и группы следует рассматривать как нечто единое, с закономерностями и условиями развития, присущими каждому семейству или группе.

Предлагаемое разделение знамен, судя по азбукам, обрисовывается достаточно четко, хотя в известной степени условно, коль скоро знаменное пение с его семейографией в XIV—XVI веках было живым, росшим и развивавшимся организмом, который нельзя расчленять как нечто неподвижное и окостенелое, тем более, что отдельные знаки знаменной нотации так и не достигли окончательного развития и колеблются между первой и второй из намеченных нами групп.

Переходя к рассмотрению отдельных знамен, составляющих содержание азбук-перечислений, сохраним верность традиции и начнем с *параклита*, которым неизменно открывается всякая азбука. Нам пришлось встретить лишь одно перечисление, в котором это знамя оказалось пропущенным. В остальных случаях это знамя помещается первым. Оно исключительно устойчиво по начертанию и не вступает в сочетания с другими знаменами. В равной степени остается неизменным и наименование — параклит.

После параклита удобнее говорить уже не об отдельных знаменах, а об их семействах. Начнем с семейства *крюков*.

Нет и не может быть азбуки без крюка. Крюк — первое знамя, названия и начертания которого связаны с понятиями и обозначениями мрака и света. (В начертаниях крюков, как и других знамен, употребление которых зависит от согласия, применение одной, двух и трех точек безусловно обнаруживает известную наглядность знаменной нотации, которую А. В. Преображенский в своем цитированном ранее высказывании называет «условной».)

Крюки как таковые имеют четыре вида (из них малоупотребителен крюк тресветлый). Если к ним добавить еще очень

малоупотребительные крюки, то получится ряд различных крюков из девяти начертаний. Вместе взятые, они образуют одно из наиболее видных семейств знамен, хотя и уступают в своем значении некоторым другим семействам. Если мы все же начали с крюков, то потому, что, как уже было отмечено, крюк — это, так сказать, «классическое» знамя, ставшее своего рода символом всей знаменной нотации.

Только в одной азбуке (№ 26) нет крюка простого, хотя присутствуют все другие его разновидности, включая крюк тресветлый. Пропуск крюка простого, являющегося основой для всех его производных, — недоразумение, случайность.

Самым многочисленным является семейство стрел. В азбуках приводится, включая все виды и разновидности, около двух десятков различных стрел. От крюков стрелы существенно отличаются тем, что имеют разновидности, не известные крюкам (это очень важно для характеристики содержания азбук).

Семейство стрел не только самое многочисленное, но и самое «капризное». Происхождение и значение входящих в него начертаний вызывает больше неясностей и сомнений, нежели любые иные начертания. Это семейство — самое богатое видовыми представителями и их разновидностями. Если крюки не имели совсем видовых изменений и начертания их изменялись только в зависимости от принадлежности к разным согласиям, то стрелы имеют разные виды, из коих каждый, в свою очередь, имеет разновидности, зависящие от согласий.

По азбукам XV—XVI веков известны следующие виды стрел: 1) стрелы обычные, или просто стрелы; 2) стрелы громные; 3) стрелы крыжовые (с крыжом или полукрыжом); 4) тряски. Все они, за исключением стрел поводной и поездной, имеют разновидности по согласиям. В противоположность крюкам мрачным,¹ стрелы мрачные в азбуках не занимают подчиненного места сравнительно с другими разновидностями обычных стрел. Подавляющее большинство перечислений знамен включает в себя стрелу мрачную. (Происходит это оттого, что стрелы — обычные — как таковые являются тем семейством знамен, которое в наибольшей степени и при этом во вполне определенной форме связано с понятием строки, и в этом отношении находится в более выгодном положении, нежели крюки, менее определенно зависящие от нее; поэтому и в перечислениях знамен стрела мрачная не может быть пропущена.)

В особом положении в азбуках XV—XVI веков находятся крюки и стрелы тресветлые, как и вообще все тресветлые знамена, к какому бы семейству они ни принадлежали. Крюки тресветлые приводятся почти во всех азбуках XVI века, но в азбуках XV века отсутствуют. По поводу крюка тресветлого Металлов пишет: «Затем следует начало азбуки певчей «Имена

---

¹ Они (как не раз будет отмечаться) встречаются относительно редко.

знамению столповому сиречь диаческому», среди знаков которого обращает на себя внимание впервые появляющийся в русской симиографии этого времени «крюк тресветлый», раньше второй половины XVI века в рукописях не встречаемый.¹ Это утверждение В. Металлова о времени появления крюка тресветлого неосновательно, так как несколько известных нам азбук, относящихся к началу XVI столетия, уже содержат названное знамя. Появление крюка тресветлого безусловно относится к первой трети, если не к началу XVI века, и присутствие этого знамени в азбуке служит палеографически датирующим ее признаком.²

Что касается стрел тресветлых обычных и тресветлых же разновидностей других стрел, то в XV веке их также нет, а в XVI веке они единичны. Тресветлые знамена, как относящиеся к самой высокой области церковного звукоряда, в массовом порядке появляются уже на завершающем этапе развития знаменного распева, позже того времени, к которому относятся рассматриваемые нами азбуки.

В связи с этим мы позволим себе вспомнить наблюдения, сделанные в другой нашей работе: «Различие в употребительности крайних низких и крайних высоких звуков не случайно: оно должно было иметь свои исторические причины. По нашему мнению, они лежат в общем пути развития нотации и напевов... заключающемся в расширении напевов вверх с уменьшением значения низких областей звуков... Напевы действительно развивались в сторону увеличения числа высоких звуков, но условия существования высоких и низких звуков не были одинаковыми. За простым согласием — значительная историческая давность, за тресветлым — не больше двух веков жизни... Это означает, что «завоевание» тресветлого согласия протекало довольно медленно и к концу XVII века еще не совершилось окончательно».³

Сделанные наблюдения получены без привлечения певческих азбук, но и в певческих азбуках они находят свое подтверждение. Если в XVII веке завоевание тресветлого согласия еще не совершилось, то в XVI веке движение диапазона напевов знаменного распева в сторону тресветлого согласия только совершилось, а в XV веке и раньше было еще в начальной стадии развития. В этом и объяснение слабого отражения в азбуках XV—XVI веков знамен, относящихся к тресветлому согласию. Высокие области церковного звукоряда не стали еще в то время обычными для музыкального сознания русских распевщиков, они не распоряжались ими так же свободно, как уже давно освоенными областями звуков простого, мрачного и светлого

¹ В. Металлов. Русская симиография. М., 1912, стр. 103.

² Содержащая тресветлый крюк азбука № 41 датируется 1496 годом. Эта дата должна быть оспорена в сторону принадлежности рукописи к XVI в.

³ М. В. Бражников. Пути развития..., стр. 82—83.

согласий. Поэтому и составители азбук еще не считали обязательным упоминание тресветлых знамен.

Однако возникает естественный вопрос: почему же в азбуках почти нет тресветлых стрел, но есть тресветлье крюки? Ответ следует искать в различном характере и степени сложности исполнения крюков и стрел, несмотря на близость тех и других к строке и зависимости от нее. Хотя по одним азбукам и трудно в точности судить об исполнении крюков и стрел, все же не подлежит сомнению, что семейство стрел в целом включает в себя знамена с распевом, более развитым и подвижным сравнительно с крюками. Действительно, если взять крюки или статьи, то и те и другие представляют собой в общей массе малоподвижные, «стоячие» знамена. Подвижность в их напеве создается по преимуществу применением добавочных знаков, вроде подчаший, сорочьих ног и др. Добавочные знаки применимы и к стрелам, но если представить себе все названные знамена без них, то подвижность напева окажется выраженной не крюками и не статьями, а именно стрелами (что не умаляет значения в этом отношении голубчиков, сложитий и других знамен).¹ Вполне естественно, что более трудные для исполнения музыкальные знаки в новой, высокой (тресветлой) области церковного звукоряда явились позднее простых знамен. Понятно поэтому, что и в азбуки они были внесены также позже, нежели крюки тресветлье. Продвижение напева в тресветлую область началось с крюков, поэтому именно они и были первыми занесены в азбуки. Тем более «запаздывает» внесение в них редко употребляемых видов и разновидностей стрел.

Стрела простая во всех азбуках имеет единое начертание. Необычно, что это начертание отсутствует в двух азбуках (№ 15 и 19). Если для азбуки № 15 можно допустить случайный пропуск, то для № 19 это вряд ли уместно: в этой рукописи нет также и стрелы мрачной, а стрела светлая имеет начертание мрачной (с одной точкой над горизонтальной чертой). Возможно, что здесь мы имеем дело с личным приемом составителя азбуки № 19 (тем более, что она относится к XV в.— 1476 г.).

О стрелах поводной и поездной мы уже говорили. В азбуках они нередко связываются с другим знаменем — статьей светлой. Причины этого будут объяснены в дальнейшем.

Стрела — древнейшее знамя. Ее можно видеть в самых ранних из известных науке певческих рукописей. Древние начертания отдельных видов стрел перешли и в азбуки. Так, например, стрелы поводная и поездная в некоторых азбуках имеют вид голубчиков борзых с добавленной к ним горизонтальной чертой. Последний вид следует считать уже к XV веку вышедшими из употребления. Этим скорее всего и объясняется поме-

¹ Этим и объясняется количественное преобладание стрел над другими знаменами.

щение в одной азбуке (№ 13, а также № 41) обоих видов одновременно для показа того, что было прежде и каким новым начертанием заменено старое. Не случайно обе названные азбуки относятся к XV веку.

Стрела громная единообразна по внешнему виду почти во всех азбуках, за исключением нескольких, в которых она имеет вид стрелы громосветлой. Подобные исключения имели место и у других знамен. Мы считаем, что не следует быть излишне «придирчивым» к случаям помещения в азбуках какого-либо знамени под названием его разновидности. Весьма возможно, что составители азбук в ряде случаев хотели показать данное знамя как определенный тип, не всегда придавая значение его принадлежности к согласию. Важны и разнотечения в наименованиях. Так, например, в азбуке № 13 та же стрела громосветлая дана под названием стрелы «громогласной». Не следует рассматривать как различные знамена стрелы *крыжовые* и с *полукрыжом*, исходя из того, что, например, в азбуке № 31 крыж вне его обычного соединения с запятой носит название «полкрыжа». Различие между стрелами крыжовыми и с полукуражом преимущественно терминологическое.¹

Семейство стрел имеет еще одного представителя — тряску. Тряска, или — позднее — стрела трясогласная, составляет обязательную принадлежность всех азбук, и ни одна из них не дает каких бы то ни было разновидностей этой стрелы: начертание ее остается неизменным, в том числе в азбуках XV века. Только в одной из них (№ 19) под наименованием тряски мы находим совершенно иное начертание, близкое крюку простому с остроконечным облачком. Тем не менее, в той же рукописи (азбуке), на том же листе (302) дано еще одно знамя, по начертанию сходное с обычной тряской других азбук, но имеющее название «сечка». Присвоение начертанию тряски наименования «сечка» — единственный известный нам случай, который может быть объяснен особенностями того места, где возникла рукопись, или личными приемами составителя азбуки (показательно, что и в рукописи, включающей азбуку, также попадается начертание сечки). Дальнейшее развитие тряски относится уже к более позднему времени.

В азбуках выдерживается такое последование: крюки — стрелы — статьи. Статьи — важнейшее, так сказать, опорное

¹ Интересна любопытная подробность. В азбуках имеется несколько знамен с добавлением «пол», а именно: полкулизмы, полкрыжа, и в фитах — полукубылие. По всем признакам такие добавления указывают и на какую-то особенность их распева, о которой пока еще судить с уверенностью нельзя. Впрочем, напев полкулизмы составляет половину распева целой кулизмы (судя по распеву гласа первого). Начертание полукубылия составляет графически половину обычной «кобылы». Возможно, что и полкрыжа составляет часть распева крыжа, как обычно он именуется в своем соединении с запятой.

зnamя напева. В стариину считалось достоинством умение распевщика расставлять статьи. Можно встретить отдельные незаконченные певческие рукописи, в которых певческие знаки еще не выписаны, однако наиболее важные знамена, в частности статьи, уже поставлены на свои места. Употребительность разновидностей статей, помещаемых в азбуках, напоминает семейство крюков: у статей также имеется «разрыв» между разновидностями простыми и светлыми, выражющийся в меньшей употребительности статьи мрачной. Подвижность статей крайне ограничена. (Если вдуматься в само слово «статья», то и оно создает впечатление чего-то неподвижного, устойчивого, стоячего.) В древнейших азбуках она выражена статьями закрытыми (статей с подвертками в это время еще нет). При этом статья закрытая дается в двух видах: закрытая мрачная и закрытая светлая, именуемая в некоторых случаях «закрытая с точкою» — это опять-таки пример показа знамени как такового, вне зависимости от его принадлежности к согласию. Другое дело — *статья с рогом*. Рог, отдельно взятый, в позднейших азбуках не имеет самостоятельного певческого значения, поэтому трудно предположить, каким было его значение в стариину. Во всяком случае, статья с рогом — это знамя, в ранних азбуках очень употребительное, так же как и *статья с запятою*. Эти два знамени в пределах азбуки смешать нельзя, так как под каждым стоит соответственное наименование. Если же пытаться найти одно из двух названных знамен в рукописи того же возраста, что и азбука, то можно легко впасть в ошибку. В древнейших азбуках начертания рога и запятыи часто очень близки, часто же совпадают. Это нередко ведет к смешению разных знамен — статьи с рогом и статьи с запятои, имеющих, каждое, самостоятельное певческое значение в зависимости от попевки. Распевщики тех времен знали, как и где их исполнять, а в азбуки заносили только для памяти.

Если в азбуках имеются знамена в сочетаниях с запятои и с рогом, то, следовательно, существуют и самостоятельные понятия запятои и рога: если бы с каждым из них не соединялось определенное представление и они не были достаточно известны, то зачем было бы их вносить в азбуки порознь? Действительно, статьи с запятои и рогом и такие знамена, как сложения с запятои, наконец статьи с крыжом и запятая с крыжом, не могли бы образоваться, если бы составляющие их части не имели значения самостоятельных знамен. Так, отдельный рог (иначе «рожек») существует в самых старых азбуках, запятая же появляется позже. В самостоятельной форме эти два знамени также имеют нечеткие начертания, поэтому певческие азбуки XV—XVI веков не позволяют с достаточной уверенностью судить о времени, когда они появились, об их формах и значениях.

Несколько слов о *статьях закрытых*. Этот вид статей, как

можно предположить, значительно отличается от знамен под тем же наименованием, известных по азбукам XVII века. В этих последних статьи закрытые теряют, судя по названиям, связь со строкой и согласиями: они уже перестают называться статьей закрытой *мрачной* и статьей закрытой *светлой*.¹

На примере *палок* также можно видеть прекращение связи с согласиями. В старых азбуках они встречаются: без всякого определения (простые), мрачные, светлые и воздернутые. И здесь появляется неясность. Судя по другим знаменам, одна точка (при крюках, стрелах и др.) служит признаком принадлежности к мрачному согласию. Несмотря на это, почти во всех азбуках XV—XVI веков палка с одной точкой именуется *светлой*,² а палка с двумя точками, казалось бы — светлая, без исключений именуется *воздернутой*.³ Под этим названием она и остается до позднейшего времени. В силу указанных условий и представляется более правильным объединять палки в группу, а не семейство.

В группы, как указывалось, объединяется целый ряд знамен.

Группа *сложитий* в ранних азбуках имеет всего двух представителей: собственно сложитию и сложитию с запятой. В отдельных азбуках имеют место перестановки сложитий с запятой и простых сложитий. Совершенно непонятно начертание в азбуке № 24, в которой под названием сложитии с запятой помещены два начертания, напоминающие двухзавитковые отдельные змийцы.

Столь же немногочисленна и столь же распространена в азбуках группа *чашек* — знамен, состоящих из двух разновидностей: просто чашки и чашки с точкой внутри или сверху, называемой чашкой *полной*. Эти виды чашек с течением времени не претерпевают внешних изменений, но становится иным их применение: они остаются в употреблении как самостоятельные знамена, но теряют свое значение в качестве добавочных начертаний. Позже XVI века в рядовых певческих рукописях лишь в виде исключения можно увидеть чашку простую, тем более — полную, проставленную при стреле простой или светлой. Что же касается азбук, то в сочетаниях с другими знаменами чашки в них совсем не заносятся. Исключением является начертание чашки полной в азбуке № 38, в которой это знамя имеет вид будущей полкулизмы большой (совпадая со статьей мрачной

¹ Зависимость певческого значения знамен от строки и согласия колебалась и видоизменялась в своих подробностях. Изменялись в связи с этим вид и наименование отдельных знамен. Отсюда и проистекает в значительной степени появление новых знамен, выход из употребления старых и неустойчивость отдельных начертаний, о происхождении и развитии которых нам остается только строить различные предположения.

² Иногда — тихой.

³ Редкое исключение в начертании палки воздернутой — в рукописи № 26, где две точки расположены перпендикулярно к собственной палке.

с подверткой). Непосредственно после этого начертания в той же азбуке добавлено: «а за скамеицю поется», причем над словом «скамеицю» проставлено начертание простой чашки, а над «поется» — обычной скамеицы. (В этом содержится намек на поздний вариант распева полкулизмы средней.) В данном случае непонятно появление начертания полкулизмы большой под названием чашки полной, так же как присутствие чашки простой, особенно же скамеицы, ибо известно, что поздние распевы обеих чашек противоположны по направлению движения звуков распеву скамеицы. Азбука № 38 представляет собой обычное перечисление знамен, и присутствие в нем толкования только одного знамени совершенно неожиданно. В азбуках, содержащих полные толкования, последние всегда выделяются в особую часть. Следовательно, для того чтобы ввести в перечисление знамен толкование только одного определенного знамени, у составителя азбуки были особые причины. Эти причины могли состоять только в том, что истолкование распева данного знамени выходило за пределы общепринятого.

Подчашия в азбуках XV века еще отсутствуют, а в азбуках XVI века их семейство только начинает образовываться, они еще весьма немногочисленны. Название подчашия носит также и добавочный знак, применяемый к ряду знамен (крюкам, стрелам, двум в челну и др.). Большинство азбук рассматривает подчашие как самостоятельное знамя, сам же термин «подчашие» с XVI века применяется двояко: для определения упомянутого самостоятельного знамени и добавочного знака к другим знаменам. В первом значении, как сказано, подчашие появляется в XVI веке, тогда как во втором значении оно имеется и в азбуке XV века (№ 6) при крюке. Данные другой азбуки XV века (№ 39) неясны, так как в наименовании знамени значится «с подчашием». Сама форма наименования указывает на то, что имеется в виду показ добавочного знака, а в начертании знамени показано обычное подчашие простое. (Скорее всего этот случай следует рассматривать как добавочное подчашие при крюке простом, у которого не проставлена по описке или стерлась вертикальная черта.) Подчашие — одно из тех немногих знамен, виды которых (кроме тресветлого) почти одинаково употребительны. Подчашие тресветлое, как и всегда, значительно менее употребительно и встречается реже других тресветлых знамен, что связано с начальным этапом образования этого знамени.

Змийца относится к числу очень старых знамен. Помещается она решительно во всех азбуках, но понимание ее в них не всегда едино. Ее можно видеть как стоящей обособленно (отдельная змийца), так и в сочетаниях с другими знаменами — статьей и сложитией (последнее сочетание появляется только в XVII в.). Наименование «змийца» при этом не изменяется. В азбуках XV века некоторое преобладание имеет отдельная

змийца, которая в азбуках XVI века встречается редко. Это объясняется постепенной потерей отдельной змийцей ее прежде самостоятельного певческого значения. Действительно, если просмотреть рядовое изложение напевов в рукописях до XVI века, то отдельную змийцу можно встретить довольно часто (особенно в сложных и развитых песнопениях). После XVI века такое применение змийцы становится редким. В рядовых напевах отдельной змийце всегда соответствует *отдельный слог* текста, что безоговорочно доказывает самостоятельность ее певческого значения как знамени. Подчеркиваем, что речь идет о рядовом изложении напевов (в которых присутствует также и змийца со статьей). В фитных начертаниях змийца приобретает несколько иное, скорее палеографическое значение (о чем позже).

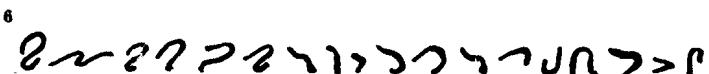
Из знамен, часто встречающихся в соединениях с другими, следует упомянуть о *крыже*. Из того, что крыж вступает в сочетания со статьями, стрелами и запятыми, не следует, что это знамя переходит в некоторых случаях в разряд добавочных знаков, как это мы видели на примере подчашия. У подчашия этот вопрос единого наименования, сопряженного с потерей прежнего начертания (горизонтальной черты), тогда как изображение крыжа остается неизменным, и он начинает играть роль составного элемента в начертаниях других знамен (подобно палке в дербице, состоящей из последования двух запятых и палки).

В старых азбуках под названием крыжа в большинстве случаев помещается *запятая с крыжом* и в редких случаях только один крыж. Запятой с крыжом это сочетание названо лишь два раза (в азбуках № 7 и № 16). В сочетаниях со стрелами (в стрелах крыжевых — как о том уже говорилось) и со статьями простыми крыж получает наименование полукрыжа (см. азбуку № 31). Интересно, что в рядовых рукописях XV—XVI веков крыж вне связи с другими знаменами встречается нередко, при этом не только в конце попевок или кулизм, но и в середине песнопений.

К числу знамен, у которых почти не меняются начертания, относится *дербица*. Составляющие ее знамена неизменно остаются теми же, но при палке появляется в нескольких случаях точка (что наблюдается в начертаниях и самой палки). Название такой дербицы остается прежним. Лишь в азбуке № 21 дербица показана дважды, причем обычный вид назван дербицей, а второй — дербицей «с очком». Возможно, составители азбук не делали большого различия между обоими видами, которые еще недостаточно «выработались». В конце концов существование двух видов дербицы привело к тому, что один из них — с очком — вышел из употребления. Непонятны знамена, названные дербицей в азбуке № 19. Обычное для этого знамени начертание в ней названо «запятой», тогда как под именем «дербица» показана палка с двумя знаками (справа от палки),

напоминающими стопицы старого начертания или небольшие чашки. Если допустить, что обычное начертание дербицы случайно оказалось не на своем месте, то начертание запятой в таком случае становится окончательно непонятным. Впрочем, о своеобразии азбуки № 19, относящейся к тому же XV веку, уже говорилось.

К числу наиболее неустойчивых знамен в азбуках XV—XVI веков принадлежит *рожек* (крайне редко он фигурирует как *рог*). Его начертание определенно вырабатывается лишь во второй половине XVII века (хотя и в это время не лишено вариантов). В ранних азбуках оно чрезвычайно пестро и в таком же разнообразии применяется в рядовых рукописях. Ниже приведено меньше половины (но наиболее характерные) из известных по азбукам начертаний рожка.

Преобладает первое по порядку начертание, в несколько «стилизованном» виде существующее в поздних рукописях. Первые пять-шесть начертаний более или менее близки, но следующие напоминают скорее палки и запятые, нежели рожок. Поэтому и в азбуках и в рядовом изложении легко спутать статьи с рожками со статьями закрытыми и статьями с запятой. Во всех азбуках, кроме одной, рассматриваемому знамени присвоено наименование «рожек». Однако в рукописи № 21 оно имеет два названия и, соответственно, два начертания. Первое начертание приближается к четвертому слева в примере 6 и называется «рожек», второе же (первое справа) называется «рог». Его начертание встретилось нам лишь однажды, а в рядовых знаменных рукописях вообще не встречалось. Варианты начертаний при одинаковом наименовании знамени — дело нередкое, но два начертания при двух названиях — исключение, позволяющее предположить, что за каждым из данных случаев стоит свое музыкальное значение.

Начертания сравнительно небольшой части знамен, помещаемых в азбуках, не только не варьируются, но и не вступают в сочетания с другими. К этим знаменам относятся: *параклит*, *голубчик*, *челюстка*, *хамила*, *осока*, *мечик* и *два в челну*.

Неизменная выдержанность голубчика (в азбуке № 36 названного «голубець») может объясниться его «подневольным» положением. Играя подчиненную роль в развитии напева, он зависит от других знамен и служит между ними посредствующим звеном. Особенно важно, что во всех азбуках-перечислениях, так же как и в толкованиях XV—XVI веков, дается только один, известный еще по древнейшим знаменным рукописям, вид голубчика, именно голубчик *брóзы*. Сохраняясь на всем про-

тяжении развития знаменного распева, он только очень поздно образует свою разновидность — голубчик *тихий*. Наименование «борзый» появляется только в азбуках XVII века (так же, как и «тихий»), и в настоящем случае условно перенесено на древнее начертание голубчика. Голубчик *тихий* имеет другое начертание.

Остальные названные ранее знамена нет необходимости описывать подробно.

Возвращаясь к употребительности знамен в азбуках, заметим, что о ней следует судить почти исключительно по употребительности *названий* знамен, но не начертаний. Сохранностью и единобразием (в основном, конечно) наименований знамен доказывается то, что певцы-теоретики, создавая азбуки, имели в виду под теми же *названиями* одинаковые или близкие музикальные понятия, певческие значения знамен. Что же касается различных начертаний при тех же *названиях*, то лишь простейшие случаи могут быть объяснены различием почерка, технических приемов переписчиков азбук или местными особенностями. Остается сделать вывод, что *важнейшим признаком*, позволяющим судить о знамени, закрепляющим за ним определенное певческое значение в азбуках-перечислениях XV—XVI веков, является *наименование знамени* (подтверждение этому можно найти и в толкованиях знамени). Тем не менее ограничиваться одними наименованиями нельзя, как бы показательны они ни были. Их следует изучать совместно с начертаниями знамен и делать вывод *по совокупности* нескольких данных. Для подтверждения сказанного укажем на два знамени — скамеицу и стопицу «с двема очками».

Если в порядке перечисления отдельных знамен в азбуках можно наблюдать различия, то в чередовании видов знамен и их групп отступления от обычного порядка редки, поэтому, например, только в виде исключения можно встретить стопицу «с двема очками» помещенной среди других знамен где-нибудь в середине или конце азбуки. (Такие вещи происходят обычно с совершенно определенными знаменами.) Поэтому если в группе стопиц на третьем месте (то есть после стопицы и стопицы с очком) вдруг указано не «стопица с двема очками», а «переводка» (хотя начертание тождественно ожидаемой стопице), то совершенно ясно, что это то же самое знамя, но иначе названное. В настоящем случае тождественность знамен устанавливается по их начертанию.

Обратимся к знамени *скамеица*, еще более показательному. Название этому знамени дано, несомненно, по его внешнему виду: горизонтальная черта с двумя точками под ней напоминает обыкновенную скамейку. Этим объясняется второе наименование скамеицы (встречающееся очень редко), — так, в азбуке № 19 (XV в.) начертанию скамеицы присвоено наименование «беседка». Смысл этого наименования остается тем же:

«Беседа — седалище, место сидения».¹ В дальнейшем мы еще будем останавливаться на отдельных знаменах, получивших, если можно так выразиться, внешне описательное наименование, что очень характерно как средство, облегчающее запоминание названий знамен. Это один из весьма своеобразных и чисто русских педагогических приемов, нашедших свое отражение в певческих руководствах. В этом смысле можно отметить и стопицы с очком и с «двема очкы». Начертания этих двух знамен нельзя сравнивать ни с каким предметом. Наглядность им придает количество «очков» — одно или два. С этой точки зрения позднейший термин «переводка» теряет в своей наглядности и больше говорит о внутреннем, смысловом значении знамени.

На основании рассмотренных семейств знамен, их групп и отдельных начертаний можно сделать общее заключение: какими бы вариантами начертаний ни отличались друг от друга отдельные знамена — внутри семейств, групп или порознь взятые, — в целом во всех азбуках обнаруживается выраженное единство в подборе знамен и в их начертаниях.

Остается осветить еще несколько начертаний, которые трудно назвать знаменами, поскольку с этим словом соединяется представление о чем-то более или менее сжатом и простом. Рассматриваемые ниже начертания как бы не имеют определенных границ и колеблются в пределах от одного знака до сложного сочетания фитного порядка или же при сравнительно кратком начертании сложны по внутреннему музыкальному содержанию.

Кулизма (и следующая за ней — *полкулизмы*)² в азбуках почти всегда находится за параклитом. Оба знамени столь же устойчивы, как и параклит. Особенностью кулизмы является сочетание в ней трех отдельных знамен — полкулизмы, статьи закрытой и статьи простой, образующих единое *сложное знамя*. Кулизма всегда состоит из трех названных знамен. В таком виде мы ее находим в азбуках, которые упорно «не хотят» заимствовать из рядовых рукописей другие ее виды (с двумя простыми статьями или с крыжами на конце). Присутствие кулизм во всех азбуках вполне понятно, так как это — в большей степени, чем некоторые другие знамена, — опора осмогласия. Можно говорить о расщатывании основ осмогласия в XVII—XVIII веках, но в XVI, XV и более ранних веках оно было еще достаточноочно прочно. В перечислениях знамен нельзя было рас-

---

¹ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, стр. 85. Автор приводит целый ряд певческих терминов (названий), однако их состав очень неполон и содержит многочисленные неточности.

² Обращаем внимание на то, что наименование «полкулизмы» в азбуках употребляется в таких формах: «полкулизмы полная», «полкулизмы простая» и т. п. Начертание полкулизмы в ранних азбуках чрезвычайно устойчиво.

крыть музыкальное содержание кулизм, но нельзя было также и не поместить их, ввиду их важности. Трудно сказать, какое музыкальное значение соответствовало начертанию полкулизмы, но вряд ли правильно было бы отрывать их одну от другой, так же как паука (простого) от паука великого. Есть все основания предполагать глубокую внутреннюю мелодическую связь кулизмы с полкулизмой, так же как и связь обоих пауков.

Паук (простой) нередко приводится в двух начертаниях: старом — в виде петли и более позднем, напоминающем крюк простой; с добавлением черты, пересекающей его угол. Начертание же *паука великого* шире и включает в себя различного вида статьи только слева или только справа от собственно паука.

Ключ (иначе — *ключик*) сам по себе не представляет ничего сложного — это отдельное и простое знамя с простым же распевом. Но мы не случайно связываем его со сложными знаменами. В азбуках он во многих случаях соединяется с переводкой, челюсткой или обеими вместе. В рядовых рукописях и в более поздних азбуках последование переводки, ключа и челюстки — обычное явление, но там оно выступает уже в качестве лица «колесо». Следовательно, ключ мыслился составителями азбук в сложных сочетаниях, в лице, которое можно встретить в самых старых певческих рукописях. В начертаниях ключа в азбуках XV века можно видеть отступления от принятых форм (как это наблюдалось и в отношении других знамен). Так, в азбуке № 6 ключ перечеркнут одной чертой и имеет вторую, опускающуюся вниз вертикальную черту справа; изображение же ключа в азбуке № 19 особенно необычно и во многом напоминает отдельные знаки кондакарного знамени.

Смешиваются и трудно отличимы три знамени: *немка*, *немка со стрелою* (или просто «стрелою») и *дуда*. (Последняя иногда называется «дудка», а в азбуке № 10 названа двояко — «дуда» и «дуда немка», что очень важно для наших дальнейших положений.) Первое — *немка* — значительно менее употребительно в сравнении с двумя другими, помещаемыми почти во всех азбуках. Пример 3 дает представление о совпадении отдельных начертаний или их элементов, а также о разнообразии начертаний. Из них показательны наиболее сложные. Говоря о ключе, пауке великому и кулизме, все же возможно рассматривать каждое из них как единое, хотя бы и сложное знамя. Если же обратиться к *немке со стрелою*, то ее уже труднее рассматривать как нечто единое. Естественнее видеть в ней своего рода «сращение» отдельных знамен, целое последование их, соответствующее длительной мелодической фразе.

Уже отмечалось, что сложнейшие начертания знамен приближаются к лицевым и фитным начертаниям, — и это находит прямое подтверждение в настоящем случае. Несмотря на то, что в сравнении с *немкой со стрелою* просто *немка* имеет менее

сложное начертание, все же в двух азбуках (№ 31 и № 40) ее начертание содержит знак фиты. Приходится вернуться к мысли, что дуда, немка и немка со стрелою, подобно ключу, составителями азбук понимались не как знамя, обособленное от окружающего, но как определенный напев.

Итак, рассмотренные знамена связаны с целыми мелодическими оборотами, позднее и в азбуках и в певческом обиходе оформившимися под названием *попевок*. На основании наименований и начертаний сложных знамен в азбуках XV—XVI веков остается прийти к заключению, что ко времени появления первых музыкально-теоретических руководств *понятие попевки было вполне сложившимся* в музыкальном сознании русских распевщиков и начинало находить свое первое отражение в певческих азбуках. (Терминология же, связанная с попевкой, в это время еще не полностью сложилась.)

Наличие азбук только с начертаниями знамен, азбук с теми же начертаниями, но с присвоенными им наименованиями попевок и, наконец, выделение попевок в особый раздел азбук позволяют рассматривать указанные особенности со стороны палеографической. Этот признак может способствовать хронологическому определению азбук.

В одной азбуке (№ 12) помещено шестьдесят два наименования знамен и семнадцать фит — все (кроме одной фиты) с начертаниями; после перечня фит следует пять наименований, начертания к которым не даны. Не углубляясь в языковедческие изыскания, заметим, что характер, склад приводимых в азбуках наименований различен: у знамен он один, у фит — другой. Кроме того, в азбуках над названием знамен и фит почти всегда приводятся их начертания. Пять названий, помещенных в азбуке № 12 после перечня фит, таковы: «переметка», «большая», «малая», «закрытая», «сковоротка». Только относительно последнего названия может возникнуть сомнение — не фита ли это? — поскольку существуют две фиты под названием «сковородка». Но предыдущие четыре наименования построены в форме, типичной для принятой в позднейших азбуках системы изложения попевок. В начале дано основное наименование — «переметка», а за ним определения разновидностей этой попевки, то есть: (переметка) малая, (переметка) большая и (переметка) закрытая — в общем четыре вида одной попевки.

Рассматривая отдельные знамена, мы до сих пор не затрагивали некоторые их виды. Особенно показательны виды таких основных знамен, как крюки и стрелы, а также статьи (в меньшей степени) и подчашия.

Употребительность крюков простого, мрачного и светлого почти одинакова, но показатель употребительности крюка тресветлого (см. таблицу 4) резко падает — на 15 единиц. Разница в числовых показателях стрел еще убедительнее. Так, употребительность стрелы тресветлой в пять с лишним раз меньше,

нежели стрелы простой. Наконец, подчашие тресветлое, независимо от незначительной употребительности подчаший как таковых, дано в азбуках только один раз, тогда как подчашие простое — восемь раз. Еще заметнее численная разница, отделяющая стрелу громную (простую) от стрелы громной тресветлой, в двадцать раз менее употребительной в сравнении со своим основным видом! Как уже говорилось, менее всего показательны в азбуках и наименее употребительны любые знамена в тех случаях, когда они относятся к тресветлому согласию.

Существуют знамена, употребительность которых также очень мала — это знамена мрачные, то есть относящиеся к мрачному согласию. Их следует рассматривать в связи с порядком, в котором знамена перечисляются в азбуках. Он очень показателен и не случаен, несмотря на все его возможные варианты, несовпадения и т. п. Даже при сличении небольшого количества азбук не трудно заметить определенную систему в последовании семейств знамен, их видов, разновидностей и отдельных знаков. Целые семейства и группы перемещаются относительно редко, так же как довольно последовательно выдерживается порядок наименований знамен внутри отдельного семейства или группы. О строгом соблюдении порядка в перечислении знамен говорить нельзя, но подчиненность ему не подлежит сомнению.

Трудно сказать, почему все азбуки начинаются параклитом и почему именно ему предоставлено такое почетное место. Возможно, что это связано с применением параклита в певческой практике: он обычно ставится в начале стиха или строки и соответственно попал в начало всех знамен в азбуке. Известны немногочисленные толкования знамен, в которых знаменам и фитам приписывается символический смысл. Параклит в них истолковывается как «послание святого духа на апостолы». Певческие азбуки и другие древнерусские рукописи начинаются, как правило, обращением к богу с просьбой о помощи автору в предпринятом им труде. Видимо, параклит имел значение своего рода «благословения» всей певческой азбуке.

После параклита чаще всего следует змийца (в виде статьи со змийцей), а также кулизма (с полкулизмой), затем голубчик, стопицы и чашки. Если бы было ясно древнее певческое значение змийцы, то легче было бы догадаться, почему в перечислениях знамен она оказывается на одном из первых мест. Но пока это еще не представляется возможным. Что касается кулизмы, то ее важное значение как элемента, участвующего в определении гласовой принадлежности напева, хорошо известно. Следующие далее голубчики, стопицы и чашки представляются промежуточными знаменами, имеющими подчиненное значение и как бы вводящими в основное содержание азбук, подготовляя к пониманию трех важнейших семейств — крюков, стрел и статей. В указанном порядке эти три семейства обычно

следуют друг за другом, составляют центр, сердце азбук и теснее всего связаны со строкой, откуда и их важность.¹

Перечисленные семейства не только занимают определенное место в азбуках, но и внутри каждого из них можно заметить наиболее характерное последование разновидностей. Так, сперва помещается основной вид знамени; относящийся к простому согласию — крюк простой, стрела простая и т. п. Во второстепенных знаменах (например, подчашиях) этот порядок также выдерживается. Казалось бы, что изложение знамен должно подчиняться тому же порядку согласий, в которых они следуют в церковном звукоряде, но в азбуках этот порядок нарушается (чаще всего в семействе статей). В ряде ранних азбук после крюка простого² следует 'крюк светлый, а затем уже мрачный. Нередко «мрачная» разновидность знамени вообще опускается или же помещается в конце азбуки, среди «разных» знамен. В более поздних азбуках мрачные знамена постепенно начинают занимать положенное им место. «Разные» знамена, не имеющие разновидностей и не входящие в состав семейств или групп, обычно помещаются в конце азбук. Большая часть этих знамен относительно сложна по распеву или, как о том уже говорилось, относится к числу попевок. К более простым принадлежат ключ, хамила, дербица, осока, сложнее — мечик, паук, немка, дуда и другие.

Существует одно знамя, неизменно помещаемое в азбуках, но не имеющее самостоятельного певческого значения, это — сорочья нога (*ножка*). Она приводится почти во всех азбуках или отдельно, или в качестве добавочного знака к какому-либо самостоятельному знамени. Без «сопровождающего» знамени сорочья ножка помещена лишь в пяти азбуках. Во всех остальных она проставлена при крюке простом и в одном случае — при стреле простой. Изображение сорочьей ноги в ее отдельном начертании понятно, что же касается ее совмещения с другими знаменами, то оно подчиняется общим правилам показа добавочных знаков — облачков, подчаший и др. В известном отношении применение отдельной сорочьей ноги в рядовых рукописях XV—XVI веков имеет сходство с отдельной змийцей. В некоторых рядовых рукописях древнейшего периода наблюдаются крайне редкие случаи простановки *отдельных* сорочных ног (в «разводообразных» участках напева). Из этого можно заключить, что сорочья нога, подобно отдельной змийце, никогда тоже имела самостоятельное певческое значение.

Обратившись к крюкам и стрелам, можно видеть, что некоторые их основные начертания (по согласиям) даются с облачками или подчашиями. Этим лишь объясняется практическое

¹ Об этом также см.: М. Бражников. Пути развития и задачи расшифровки знаменного распева.

² Говоря о крюках, мы имеем в виду и остальные семейства: они подчиняются той же закономерности.

применение добавочного знака, сам факт его существования, а не вторичный показ того же знамени. Намечаются излюбленные случаи применения добавочных знаков: сорочья нога — при крюке простом, а подчашие и облачко — при крюках и стреле простой в равной степени. Редкие случаи сочетания сорочьей ноги со статьей светлой объясняются тем же, чем и малая употребительность тресветных знамен: сорочья нога переносит статью светлую в тресветную область. Только в одной азбуке (№ 18) показана возможность употребления подчашия в других согласиях, помимо простого. В этой азбуке, кроме крюка простого, подчашие применено также к крюку светлому и там же — единственный случай подчашия при двух в челну. Также один раз простилено подчашие при стреле громной, все в том же простом согласии (азбука № 7). Обращает на себя внимание и то, что в упомянутой азбуке № 18 подчашия показаны при крюке простом и при крюке светлом — опять-таки с пропуском крюка мрачного!

Итак, в азбуках XV—XVI веков при знаменах насчитывается несколько добавочных знаков. Для суждения о том, в каком направлении шло развитие этих знаков в более ранние века, очень мало данных, но если судить по азбукам, то можно предположить, что в XV веке некоторое преимущество было за сорочьей ногой. Коль скоро известно, что применением добавочных знаков к знаменам достигается высотное и ритмическое изменение их напева, то ограниченный подбор добавочных знаков в азбуках XV—XVI веков позволяет сделать заключение о том, что знаменный распев этого времени отличался *большой высотной и ритмической скованностью* в сравнении с напевами последующих веков. Сказанное подтверждается еще одним наблюдением: в азбуках этих веков полностью отсутствуют при знаменах такие добавочные знаки, как *оттяжки, отсеки, подвертки и облачки протягненные*. Следовательно, особенности азбук наталкивают на те же общие заключения, которые можно сделать при ознакомлении с применением знамен в рядовых напевах.

Певческие азбуки предназначались для усвоения по ним теории знаменного распева, для обучения *чтению нот* по безлинейным рукописям. Могли ли они полностью исключить необходимость в изустной передаче знаний от преподавателя к ученику или нет? Такой вопрос неправомерен, так как в наши дни самое совершенное руководство по любому предмету не может исключить необходимости обращения ученика к руководителю, следовательно изустной передачи знаний. Ни одно учебное пособие не может содержать полную сумму сведений по данному предмету. Это обстоятельство оказывается и на содержании азбук, на степени их соответствия рядовым певческим рукописям. Действительно, если взять какую-либо азбуку и сличить ее с обычной певческой рукописью — лучше всего той же,

частью которой является азбука, то окажется, что в азбуке и рядовой рукописи состав знамен не одинаков. Сумма применяемых в рядовой рукописи знамен всегда больше суммы знамен, помещенных в азбуке. Почему? Прежде всего потому, что часть знамен познавалась певцом на практике, сверх знаний, почерпнутых в азбуке. Существовала и другая причина. Знамена развиваются не сразу, а на протяжении длительного времени, поэтому-то они, присутствуя в рядовых певческих рукописях, заносятся в азбуки только тогда, когда получают «права гражданства» — всеобщее признание и достаточно широкое распространение. В певческих рукописях по XV век включительно можно найти целый ряд начертаний, исчезающих в рукописях XVI века.¹ В певческой практике эти знамена могли сохраняться в течение долгого времени. Рукописей было не так уж много, приходилось пользоваться теми, которые имелись под рукой, и тогда, когда в их нотации присутствовали знамена, уже вышедшие из употребления. Певец-практик должен был их знать. Естественно, что составитель азбуки отказывался от этих знамен, не вносил их в свое руководство, как устаревшие. Мы не можем судить сейчас, были ли они заменены в азбуках другими, новыми знаменами и какими именно. Устаревшие знамена могут время от времени встретиться и в поздней азбуке, но среди азбук XVI века во всяком случае уже преобладают такие, в которых нет знамен устаревших, несмотря на то, что подбор поименованных в перечислении знамен продолжает не совпадать с их подбором в рядовых рукописях.

Изучая азбуки и рядовые рукописи, следует всегда иметь в виду текучесть их семейографического состава и невозможность подогнать их под единую, неизменную мерку. Сказанное сохраняет значение даже для поздних азбук, становящихся более «стандартными». Что же касается ранних, то чем старше азбуки, тем меньше в них единства и тем больше приходится каждую из них рассматривать как индивидуальное явление.

В помещаемой ниже таблице показаны знамена, приведенные в азбуке № 19 (XV в.), и знамена, почерпнутые из рядовых напевов той же рукописи.²

Из таблицы видно, что: 1) стрела громная встречается в рядовой рукописи в форме громосветлой; 2) осока имеет еще форму «с точкой» (единственный известный случай); 3) сложития получает форму сложитии с запятой; 4) статья, в азбуке помещенная в ее основном виде — статьи простой, в рукописи применяется в трех других видах: как статья с запятой, статья

¹ При расшифровке напевов наибольшие трудности представляют те знамена, которые, сохранив свой распев, могли изменить внешний вид и набор. В этих случаях угадать их мелодическое содержание невозможно.

² При составлении этой и некоторых других таблиц мы не считали нужным отыскать все различия между азбукой и рядовой рукописью: в установлении общей картины это не имеет значения.

с рогом и статья со змийцей.¹ В начертаниях стрел в древнейших певческих рукописях, в том числе и в азбуках, нет единства: горизонтальная черта нередко имеет слева вертикальный загиб (см. 5), поэтому такого рода начертания и те, которые не имеют загиба, можно условно рассматривать как тождественные, а приведенное по рукописи начертание считать стрелой поводной. Приводимые в шестом ряду справа начертания составлены из голубчиков с присоединением к ним добавочного знамени: палки, крюка мрачного и крюка простого. В послед-

	Начертание в азбуке	Название в азбуке	Начертание в рукописи
1	>>—	Стрела громовая	>>—
2	←—	Осока	←—
3	“”	Сложитя	“”
4	=	Статья	=>, =), =>
5	=—	Стрела простая	=—
6	>:	Голубчик	>:, >—, >—
7	—	(Крюк мрачный)	—
8	—	—	>—, >—, > =—

нем случае, если не считаться с загибом вертикальной черты, можно видеть стрелу поездную, показанную в азбуке. Крюк мрачный в азбуке не показан, но в рядовых песнопениях применяется.

В нижней части таблицы помещены знамена, которых нет в азбуке, но которые применяются в рядовом изложении рукописи. Первый ряд состоит из одиночных запятых или голубчиков без точек с добавлением к ним горизонтальных черт (без точки или с точкой), что указывает на наличие вариантов этого знамени. Далее — удвоенная запятая, нередко употребляемая в таком виде, но два раза подряд. Знамя во втором ряду особо примечательно. Оно, как и описанное выше, относится к разряду неизвестных, но еще важнее, что оно заимствовано из числа кондакарных начертаний (обычно применяемых в качестве заключительных знаков в конце строф или песнопений). Применение этого знака в рядовом знаменном изложении своеобразно, но описание его заставило бы отклониться от основного предмета изложения.

¹ Последнее знамя в других азбуках названо змийцей. Поскольку в азбуке № 19 его совсем нет, то мы вправе рассматривать его, как статью со змийцей.

Выводы из сличения знаменных азбук с рядовыми певческими рукописями таковы:

1. Певческие азбуки XV—XVI веков не отражают всей суммы нотных знаков (знамен), применяющихся в современных им рядовых певческих рукописях. В азбуках всегда меньше знамен, чем действительно находящихся в обращении.

2. Основу азбук составляют *ведущие* в знаменной семействографии знамена, составляющие стержень, вокруг которого протекало развитие знаменной системы.

3. Азбуки свидетельствуют о глубоких изменениях, произошедших в практическом применении знаменной нотации и находящихся в свою очередь в глубокой внутренней связи с перерождением *музыкального мышления* русских распевщиков. Эти изменения, в частности, связаны с изъятием из певческой практики кондакарного пения.

Встречающихся в певческих рукописях XV века (редко позже) отдельных знамен кондакарного типа и их сложных начертаний азбуки того времени не отражают, ибо назначением и содержанием певческих азбук XV—XVI веков является показ и внедрение знаменного распева и его нотации в их *новом* виде, очищенном от всего чуждого его национальной самобытности. Другого пути не могло быть, ибо древнерусские музыкальные азбуки — это зеркало того, что происходило в повседневной жизни знаменного распева.

Своеобразие, стиль, интонационные особенности, выразительные средства, а тем самым — и нотация знаменного распева, вырабатывались живой певческой практикой, а не в келье распевщика-теоретика. Поэтому и знаки знаменной нотации — это не просто графические начертания, а музыкальные *понятия*, связанные друг с другом. В совокупности знамена составляют средства передачи музыкально-художественных переживаний русского народа в их частной форме — культовой музыке. Поэтому и певческая палеография — не сухой набор графических элементов, а нечто живое и внутренне одухотворенное. Каждый нотный знак или целая нотная строка не только так или иначе *пишутся* — они определенным образом *звучат*, и это внутреннее звучание превращает древнерусскую певческую палеографию из якобы непонятной «схоластики» — в искусство.

Скажем еще два слова относительно всех знамен, охваченных певческими азбуками. Таблица 8 содержит их перечень, составленный по данным изученных азбук. Она составлена в основном в алфавитном порядке, но с некоторыми нарушениями: в пределах семейств и групп знамен показательнее расположить виды *по согласиям*. Удобнее оказалось также поместить в конце семейств те из входящих в них знамен, к которым применены добавочные знаки.

Общее количество помещенных здесь знамен несколько больше названного ранее (см. стр. 40), но это объясняется тем,

1. Беседка	48. Скамеица
2. Голубчик	49. Сложития
3. Два в челну	50. Сложития с запятой
4. Два в челну с подчашием	51. Сорочья нога
5. Дербица	52. Статья простая
6. Дербица с очком	53. Статья мрачная
7. Дербица с точкою	54. Статья светлая
8. Дуда	55. Статья закрытая
9. Дуда со стрелою	56. Статья закрытая мрачная
10. Дуда немка	57. Статья закрытая светлая
11. Запятая	58. Статья закрытая с точкою
12. Запятая с крыжом	59. Статья с запятою
13. Змийца	60. Статья с полукрыжом
14. Змийца со статьею	61. Статья с рогом
15. Ключ	62. Статья с сорочьей ногою
16. Крыж	63. Стопица
17. Крыж с запятою	64. Стопица с очком
18. Крюк простой	65. Стопица с двема очки
19. Крюк мрачный	66. Стрела
20. Крюк светлый	67. Стрела мрачная
21. Крюк тресветлый	68. Стрела светлая
22. Крюк с облачком	69. Стрела тресветлая
23. Крюк с подчашием	70. Стрела поводная
24. Крюк светлый с подчашием	71. Стрела поездная
25. Крюк с светлым подчашием	72. Стрела громная
26. Крюк с сорочьей ногою	73. Стрела громная мрачная
27. Кулиэма	74. Стрела громная светлая
28. Мечик	75. Стрела светлая громная
29. Немка	76. Стрела громная тресветлая
30. Немка со стрелою	77. Стрела громогласная
31. Осока	78. Стрела громосветлая
32. Палка	79. Стрела светлогромная
33. Палка мрачная	80. Стрела громная с подчашием
34. Палка светлая	81. Стрела с крыжом
35. Палка воздернутая	82. Стрела с полукрыжом
36. Параклит	83. Стрела мрачная с полукрыжом
37. Паук	84. Стрела светлая с полукрыжом
38. Паук великий	85. Стрела с облачком
39. Переводка	86. Стрела с подчашием
40. Подчашие	87. Стрела простая с сорочьей ногою
41. Подчашие мрачное	88. Стрела с чашкою
42. Подчашие светлое	89. Тряска
43. Подчашие тресветлое	90. Хамила
44. Полкрыжа	91. Чашка
45. Полкулизмы	92. Чашка полная
46. Рожек	93. Челюстка
47. Сечка	

что в таблицу введены все наименования, включая и те случаи, когда одно и то же знамя имеет два варианта названия. В таблицу не внесены лишь два-три наименования, неясных в силу возможной ошибки при написании их в самой азбуке и требующих дальнейшего уточнения.

Количество отдельных или объединяющихся в семейства знамен не есть что-либо неколебимое. Возможно изменение их общего числа. Но данные сорока азбук заставляют думать, что изменения могут быть самыми незначительными.

На долю крюков, стрел и статей приходится половина общего числа помещенных в таблице знамен (43 из 93). Этим соотношением доказывается лишний раз ведущее, стержневое место названных семейств — своего рода «оси», вокруг которой образовывалась вся «толща» знаменного пения и крюковой нотации.

Лица и фиты знаменного распева — особый и сложный раздел знаменного пения, который древнейшими азбуками отражен очень мало. И все же, коль скоро фиты занимают в азбуках определенное место, о них нельзя не сказать.

Внутреннее, музыкальное содержание фит древнейшего периода, включая первую половину XVII века, неизвестно. Для суждения о нем несравненно меньше данных, чем о значении отдельных знамен. Это объясняется тем, что условность фит с внешней, графической стороны закреплена заведомой «тайном замкнутостью», являющейся законом образования фитных начертаний. Приходится напомнить, что фиты как графическое явление представляют собой *зашифровки* напевов посредством условных сочетаний отдельных знамен, не заключающих в себе «тайном замкнутости». Обязательным внешним признаком фитного начертания является присутствие в нем *знака фиты* (буквы «фита»). Справа и слева от знака фиты помещаются отдельные знамена, в силу своего соседства с фитой приобретающие «тайном замкнутость» и вместе со знаком фиты образующие фитное начертание.

Большая часть знамен, как мы видели, довольно устойчива и претерпевает сравнительно мало изменений, а некоторые знамена сохраняют одно начертание. Совсем иная картина в фитах. Нет такого фитного начертания, которое осталось бы неизменным и не давало вариантов при сравнении многих азбук, а иногда и в пределах одной азбуки.

Возьмем для примера одну из самых распространенных фит — зельную. (См. таблицу ее начертаний — № 9).

Как видим, количество вариантов исключительно велико: для зельной фиты оно равно тридцати двум — и это по данным только азбук, без привлечения рядовых рукописей!

Для нотных знаков XVI века очень характерно чисто графическое явление, которое мы называем «наслоением» знамен.¹ Заключается оно в том, что, в силу размахистости почерка, горизонтальные черты какого-либо знамени перекрывают следующие, соседние знамена. Кроме того, древним рукописям, особенно в сложных песнопениях, свойственна двухрядность знамен; сберегая место, знамена располагали в два

¹ Палеографическое явление, в равной степени присущее как рядовым певческим рукописям, так и теоретическим руководствам. В последних встречается только в фитных начертаниях и отдельных, наиболее сложных (составных) знаменах. См.: М. В. Бражников. Русские певческие рукописи и русская палеография. Труды ИРЛИ, т. VII, АН СССР, 1949.

Азбука	
2	= 2 2 2 2 :
3	θ S A :
4	= 3 0 = 2 3 :
5	= 2 0 A :
6	θ = 3 S A :
7	= 2 0 3 3 A :
8	= 2 0 A :
9	= 2 2 A :
10	= 3 0 = 3 2 3 :
11	θ = 3 S A V A :
12	= 3 0 2 3 :
13	= 3 0 = 3 2 :
14	= 2 A :
15	= 2 2 :
16	= 2 0 3 :
17	= 1 2 3 A 3 :
18	2 θ :
19	= 2 2 = θ :
20	θ = 3 0 2 3 :
21	θ = 3 0 2 3 :
22	= 2 0 A :
23	θ = 3 2 3 A :
24	= 3 0 = 3 3 :
25	= 3 0 2 3 :
26	= 3 0 2 3 :
27	= 3 0 2 3 :
28	= 3 0 2 3 :
29	= 3 0 2 3 :
30	= 3 0 2 3 :
31	= 3 0 2 3 :
32	= 3 0 2 3 :
33	= 3 0 2 3 :
34	= 3 0 2 3 :
35	= 3 0 2 3 :
36	θ S
37	= 2 0 3 = 3 :
38	= 2 0 A :
39	= 2 0 A :

(иногда в три) ряда. Двухрядность знамен мешает правильно определить их чередования, в частности в фитных начертаниях, нередко бывающих продолжительными и сложными. Если насление знамен не часто мешает прочитать запись, то двухрядность делает крайне затруднительным сличение фитных начертаний азбук с начертаниями рядового изложения.

Обращаясь, в целях уточнения фитных начертаний, к рядовым певческим рукописям, приходится признать, что польза от этого будет несравненно меньшей, чем при уточнении знамен. Если велико количество вариантов фитных начертаний в фитниках, то в рядовых рукописях оно еще больше. Начер-

тание фиты хабува, например, в рукописях XVI века нам удалось обнаружить более чем в шестидесяти вариантах (что отнюдь не является окончательной цифрой).

Изучив особенности изложения фит, приходится прийти к выводу, что *совпадение начертаний фит в азбуках* (даже если их распев и был бы известен) и в рядовых рукописях не может служить гарантией совпадения их музыкального значения (распевов).¹

Формально названиями фитных начертаний следует считать те, которые приводятся в азбуках. Однако надо выделить большую самостоятельную группу начертаний, под которыми помещены не их названия в прямом смысле, а богослужебные тексты, на которые исполнялись данные фиты. Для старых азбук такой прием не показателен и встречается довольно редко, но в более поздних азбуках получает развитие. В азбуке № 38 приводится фита на текст «Петро же» (то есть «Петр же», где гласная о является раздельноречной заменой буквы ер). В азбуке она названа «Петро же фита». Азбука № 7 содержит фиту на текст «Ти торже» (то есть «Ти торжество»). В азбуке № 37 приведено сложное начертание без знака фиты (лицо?) на текст «сня со креста на́га висяща». Наконец, азбуки № 7 и 38 дают сложнейшее последование знамен с тремя (!) знаками фиты в них на текст «видяши тя тварь на кресте». Здесь, несомненно, сложность напева и его слитность настолько значительны, что составители азбук не разделяли его на составные части — отдельные фиты, а дали весь «узел» целиком. Подобный прием изложения фит в XVI веке только начинает применяться, но отметить его очень важно, так как он представляет собой зародыш будущих «текстовых» наименований фит, разделения фитников по принципу лингвистической принадлежности песнопений и «разводных строк».

Как отдельные знамена, так и фиты в азбуках показывают, что приемы их изложения вырабатывались постепенно, принимая различные формы. Практическое исполнение фитных напевов уходит в глубокую древность. Постепенно за фитами закреплялось определенное место в богослужебном тексте, отрабатывался распев в целом и отдельные его части. Закрепившись в тексте и «застыв» мелодически, фиты становились предметом особого изучения, для удобства которого они должны были получить собственные имена. На этой ступени своего развития фиты стали проникать в теоретические руководства — певческие азбуки.

Положение знамен и фит в азбуках существенно различно. Те и другие находят свое место в азбуках-перечислениях, но

¹ В некоторых азбуках даются фитные начертания с двумя знаками фиты (иногда стоящими рядом). Причины, вызывающие это явление, несомненно, коренятся в далеком прошлом фитного пения. Пока еще они не выяснены.

в более полных азбуках XVI века, содержащих также и толкование знамен, в разделе толкования о фитах ничего не говорится. Казалось бы, особая сложность фит должна была заставить составителей азбук дать им истолкование, подобно знаменам, но ни одна азбука не говорит ничего о способах исполнения фит, их строении или связи с осмогласием. Все сводится к перечню в азбуках фитных начертаний и наименований, причем в сравнении с количеством знамен количество фит очень незначительно.

Знать наименования фит так же важно, как и перечень знамен. Приводим список названий фит, известных по азбукам XV—XVI веков:¹

10

1. Большая	15. * Петро же
2. * Видящи тя тварь на кресте	16. Полукобылие
3. Высокая	17. Светлая
4. Громогласная	18. Слезная
5. Двоечелная	19. * Сня со креста нага висяща
6. Зельная	20. Со сложитию
7. * И земля	21. * Ти торже(ство)
8. Кобыла	22. Торжественная
9. Красная	23. Тресветлая
10. Лошадка	24. Трестрельная
11. Мрачная	25. Утешительная
12. Надгробная	26. Фита
13. Немка	27. Хабува
14. Перевязка	28. Цельная

Может показаться, что количество фитных напевов, бывших в употреблении в XV—XVI веках, не так уж мало. Однако показательно не количество наименований, а употребительность фит, определяемая тем, насколько часто упоминаются эти названия в азбуках. Эти данные содержит следующая таблица:

11

Название	Колич.	Название	Колич.
Громогласная	39	Слезная	3
Зельная	39	Тресветлая	3
Кобыла	39	Надгробная	2
Мрачная	39	Немка	2
Перевязка	39	Полукобылие	2
Двоечелная	38	Торжественная	2
Светлая	38	Большая	1
Трестрельная	38	Высокая	1
Фита	28	Лошадка	1
Хабува	17	С сложитию	1
Красная	9	Цельная	1
Утешительная	5		

¹ Звездочкой (*) отмечены фиты, не имеющие самостоятельного значения и «подтекстованные» словами из церковной службы.

Употребительность фит *на тексты* незначительна. (Употребительность «кобылы» может оказаться больше, если прибавить к ней «лошадку» — второе название той же фиты, но то, что «кобыла» займет после этого первое место, будет случайным и не придаст ей какого-либо особого значения.)

Данные обеих таблиц подтверждают наблюдения, сделанные раньше. Названий фит действительно много, но некоторые из них встречаются в азбуках лишь однажды. Из таблицы 11 выделяются первые десять названий; употребительность остальных резко падает. Но и из отобранного десятка действительно употребительны только первые восемь фит, по существу, помещаемые всеми азбуками.

Если обратиться к рядовым певческим рукописям XV — XVI веков и попытаться в какой-либо одной из них учесть все фитные начертания, то разнообразие их окажется чрезвычайно большим. Из начертаний может быть выделено какое-то количество часто встречающихся и еще большее количество малоупотребительных. Однако только очень немногие из их числа находят отражение в азбуках.

Малочисленность помещаемых в азбуках начертаний и полное отсутствие толкований фит свидетельствует о том, что ко времени появления на Руси первых музыкально-певческих руководств *теоретическая разработка фитного пения находилась на более низкой ступени развития, нежели теоретическая разработка рядового знаменного распева* (отдельных знамен). В силу этого *степень развитости* в азбуке раздела (или части), посвященного фитам (а позднее — лицам), служит *палеографическим признаком*, позволяющим в известной степени установить возраст самого фитника или того памятника, с которого он был списан.

Какие же данные имеются для того, чтобы пытаться отгадать мелодическое значение знамен, представленных в азбуках XV — XVI веков, и распространять его на рядовое знамя того же времени? Вернемся к вопросу о «живучести» азбук-перечислений старого типа. Если эти азбуки попадаются даже в рукописях второй половины XVII века, то можно заключить, что они оставались пригодными для пользования. Старые перечисления знамен вносятся в рукописи (сборники) параллельно с другими, более совершенными частями азбук, созданными в XVII веке. Значит, их можно рассматривать как первоначальную *основу*, к которой позднее добавляются новые разделы, содержащие усовершенствования и дополнения. Перечисления знамен (как и толкования) — эта «сердцевина» азбук,— разумеется, не оставались неизменными,¹ и все же, пытаясь проникнуть в зна-

¹ Всякий распевщик, вносявший в свое теоретическое руководство перечисление знамен более раннего времени, понимал его уже не так, как предыдущий «составитель».

чение беспометного знамени, следует руководствоваться прежде всего этой сердцевиной, снимая с нее осторожно все то, чем она «обросла» с течением времени. В сердцевине, в свою очередь, также не все равноценно. Мы уже видели, что существуют семейства знамен, состоящие из определенных знаков, к которым в дальнейшем присоединяются новые видовые начертания. Эти семейства тоже представляют собой *стержни*, вокруг которых строилось знаменное пение и его нотация. Поэтому, как это было сделано выше, и здесь следует опираться на основные знамена данного семейства, придавая им значение «устоев» знаменного пения с самых древних времен.

Сказанное о приемах и особенностях изложения знамен в рукописных певческих азбуках и сравнение их с составом знамен рядовых рукописей позволяет сделать следующие основополагающие заключения.

1. При попытке представить себе музыкальное значение знамен в азбуках и рядовых рукописях беспометного периода возможно, как метод работы, движение от известного к неизвестному — от пометных рукописей XVII века к рукописям и азбукам беспометным — и проведение между ними мелодических параллелей в пределах, образуемых основными, стержневыми знаменами и семействами знамен. Недостаточно осторожное и недостаточно обдуманное применение изложенного метода — присвоение знаменам одинакового певческого значения только на основании совпадения их начертаний — неизбежно приведет к произволу и насилию над правдой.

2. Никакая певческая азбука не может дать вполне точного ключа ни к пониманию теоретических основ знаменного пения, ни к прочтению рядовой рукописи.

3. Всякий перевод певческой рукописи, сделанный на основании известных азбук, неизбежно будет заключать в себе отступления от напева, который был бы исполнен певцом того времени и места, к которым относятся данная певческая азбука и рукопись.

Высказанные заключения представляют собой существеннейшие методологические положения русской певческой палеографии в целом. Они сохраняют свою силу всегда, какая бы сторона знаменного пения ни подлежала изучению, в равной степени касаясь распевов отдельных знаков, попевок, лиц и фит, помет, признаков, системы осмогласия и любой частности знаменного распева. Есть и другие причины, позволяющие прийти к таким же выводам. Они становятся яснее тогда, когда приходится сталкиваться с азбуками конца XVII века, особенно же с фитным пением, находящим в них отражение.